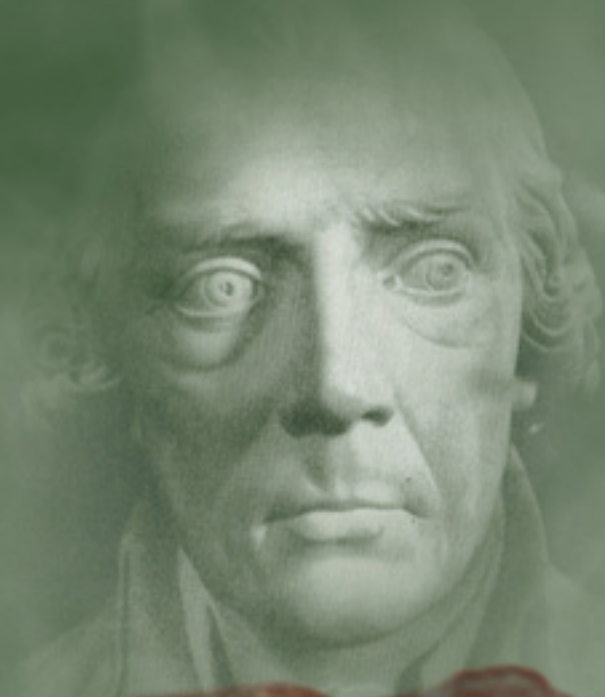

A portrait of Maxim Bel'skiy, a man with a serious expression and curly hair, set against a greenish background with a large red ink blot.

МАКСИМ БЕЛЬСКИЙ

VERITAS NIMIS SAEPE LABORAT EXSTINGUITUR NUMQUAM

*Неизвестный
Фридрих Великий*

A night photograph of the Winter Palace in St. Petersburg, Russia, with its many windows and the central dome illuminated.

Моя строка

Максим Бельский

Неизвестный Фридрих Великий

«Моя Строка»

2017

УДК 882
ББК 63.3(0)5

Бельский М.

Неизвестный Фридрих Великий / М. Бельский — «Моя Строка», 2017

Эта книга – ревизия старых догм; тщательное и бескомпромиссное в исторической правде исследование истинной, без прикрас исторической действительности на основании документов и свидетельств очевидцев о неизвестном для большинства современных людей, выдающемся короле Пруссии Фридрихе Великом, монархе, пользовавшимся невероятным авторитетом у современников, от простого народа, людей науки, учёных, до правящих династий европейских стран и даже отцов американской демократии – Франклина, Адамса, Джефферсона; о несчастном в личной жизни человеке; прославленном полководце, чьи сражения вошли в анналы военного искусства, делившем с солдатами все превратности войны и превратившем свою страну в цветущий сад, а Берлин в «Афины на Шпрее»; выдающемся политике и государственном деятеле, великом и веротерпимом реформаторе, во многом опередившим своё время, решительно искоренявшим сутяжество и религиозный фанатизм. Великий монарх – прекрасный музыкант, поэт и композитор, высоко ценил и поощрял развитие наук и искусств, философии и культуры, архитектуры и музыки. «В своем образовании он достиг такого уровня, что мог на равных общаться с самыми выдающимися учеными, философами и людьми искусства». В книгу включены выдержки из писем и трудов Фридриха Великого, исторические параллели и справки, повествующие об истинной сущности известных и великих людей и событий XVIII века, главы о белых пятнах истории, с неохотой разглашаемых до настоящего времени; свежий взгляд на эпоху Просвещения, на резкий контраст личности Фридриха II с прожигающими жизнь королями сопредельных с Пруссией стран и их алчными фаворитами, на колоссальную разницу между отсталыми европейскими странами XVIII века и Пруссией; на результаты дальновидной

просветительской деятельности короля, НЕ принятой в прочих государствах, что привело Европу к трагедии французской революции и наполеоновским войнам; развенчивание мифов о падении Бастилии, подробное освещение событий французской революции 1789 года, когда ради для воплощения «великих идей» философов-просветителей в жизнь кровь гильотинируемых текла бурным потоком и были заложены основы террористической практики всех революций; в книге содержится широкомасштабный взгляд на переплетение судеб и правителей европейских держав XVIII века; детали и подробности основных сражений Семилетней войны; сравнительный анализ английской, французской, американской революций, жизни Фридриха II и его жестокого отца – Фридриха Вильгельма I – тирана и деспота, главы о парке Сан-Суси в Потсдаме, который «словно ожидает возвращения своего венценосного властелина в поношенном сюртуке с флейтой в руке».

УДК 882

ББК 63.3(0)5

© Бельский М., 2017

© Моя Строка, 2017

Содержание

Глава I	7
Глава II	29
Глава III	38
Глава IV	58
Глава V	72
Глава VI	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Максим Бельский

Неизвестный Фридрих Великий

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© М. Бельский, 2017

© Издательство «Моя Строка»

* * *

Писатель Людвиг Райнер¹ попытался дать свой ответ на вопрос: почему короля Фридриха Второго Прусского стали называть Великим?

„In den langen Jahrtausenden der Geschichte finden wir nur drei Herrscher, welche von den Völkern der Erde mit diesem Titel ausgezeichnet werden. Zwei von ihnen ragen durch den Umfang ihrer Reiche und ihrer Eroberungen weit über alle Staatslenker hinaus: Alexander und Karl. Der Dritte aber war Regent eines winzigen Staates (...) ein Mann, der jenen Ehrentitel nur dem unerhörten Einsatz seiner eigenen Person verdankt...”

«На протяжении тысячелетий истории мы находим только трёх властителей, которых народы земли наградили этим титулом. Двое из них выделялись размерами своих империй и захватами территорий сравнительно с другими государственными деятелями: Александр и Карл. Третьим правителем был правитель крохотного государства (...) человек, который обязан своему почётному титулу только лишь благодаря невероятному умению использовать свой собственный потенциал...»²

Такая характеристика кажется мне великолепной, но явно недостаточной, поэтому цель этой книги – дать расширенный ответ на тот же вопрос.

¹ Людвиг Райнер) Ludwig Reiners, 1896–1957) – немецкий писатель, автор многих книг, среди которых есть и о Фридрихе Великом – Friedrich. C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München 1952, ISBN 3-4231-0599-2.

² Reiners L. FRIEDRICH. München: Verlag C. H. Beck, 1952.

Глава I

Фридрих II и нацисты

*Heute spielt er in den Lehrplänen keine große Rolle mehr.
Peter Lautzas, Vorsitzender des Verbandes der Geschichtslehrer
Deutschlands*

*Сегодня он (Фридрих Великий) больше не играет в учебных
программах большой роли.
Петер Лауцас³, председатель союза учителей истории Германии.
Из интервью журналисту Хансу-Герману Котте (Hans-Hermann
Kotte)⁴*

1

Выдающаяся личность прусского короля Фридриха Великого вызывала восхищение у многих знаменитых людей, однако в числе его почитателей, к величайшему сожалению, оказался и Адольф Гитлер, из-за чего в ГДР Фридриха II объявили тираном, предтечей милитаризма и реакционером, который не принес своему народу ничего, кроме горя и несчастья. А Карл Маркс, чьи труды, как известно, заменили коммунистам Священное Писание, в своей статье «Подвиги Гогенцоллернов» написал о Фридрихе II так: «Творец патриархального деспотизма, друг просвещения с помощью розги»⁵. Неудивительно, что в ГДР он был посмертно «репрессирован»: коммунисты запрещали даже упоминать имя и великие свершения этого короля. Кроме того, руководители ГДР задним числом назначили Старого Фрица⁶ виновным и за поражение в двух мировых войнах, поскольку якобы именно он создал агрессивную и ориентированную на завоевания Пруссию. Что, следовательно, в конце концов и привело к краху Германии. Дело, порой, доходило до нелепых курьёзов. Например, бронзовую статую короля, один из самых знаменитых памятников Берлина, гордо красовавшуюся с 13 мая 1851 года на бульваре Унтер-ден-Линден (на Opernplatz, сегодня – Bebelplatz, площадь Бебеля), отправили в «изгнание» – перевезли в Потсдам, в парк Сан-Суси, где она и простояла до 1980 года, поскольку не годилась в качестве образца для подражания в «первом рабоче-крестьянском государстве на немецкой земле». И это еще был счастливый исход, ибо шеф СЕПГ⁷ Берлина Пауль Фернер санкционировал уничтожение памятника, лишь вмешательство в последнюю минуту тогдашнего министра культуры ГДР Ханса Бенцина спасло это произведение искусства от переплавки. Официальной резиденции прусских королей – поврежденному во время войны Берлинскому замку – повезло значительно меньше: дворец был объявлен символом прусского абсолютизма и милитаризма, его не стали реставрировать, а вместо этого пустили туда советских кинематографистов для проведения в 1949 году более реалистичных съемок первого цветного советского фильма «Падение Берлина».

³ Peter Lautzas (1941 года рождения) – историк, с 2002 по 2012 год он был федеральным председателем учителей истории Германии.

⁴ <http://www.fr-online.de/panorama/fragen-an-friedrich-ii-ein-virtuoser-floetist,1472782,11443706.html>

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 519.

⁶ Der Alte Fritz – прозвище Фридриха Великого.

⁷ Sozialistische Einheitspartei Deutschlands – социалистическая марксистско-ленинская партия, существовавшая в Германии в 1946–1990 годах.

После окончания масштабных съёмок этого прославляющего полководческий «гений» Сталина фильма, в основание замка заложили тринадцать тонн взрывчатки, взорвали и окончательно разрушили. Впрочем, такова была общепринятая практика в странах коммунистического блока: убирать с глаз долой или разрушать памятники людям, деяния которых казались вредными коммунистическим лидерам, и на их месте водружать своих идолов. В знаменитом романе-антиутопии «1984» Джорджа Оруэлла его главный герой, Уинстон Смит, работает в «Министерстве Правды», в отделе документации, где занимается тем, что вносит изменения в документы, которые содержат факты, противоречащие партийной пропаганде. Фантазия Оруэлла материализовалась в ГДР: историческая правда была принесена в жертву идеологии. Старого короля стали изображать чуть ли не предтечей фюрера и душителем свободы, а созданное им государство – мрачным царством-казармой, символом бездушного милитаризма и махрового шовинизма, антиподом всего либерального. То есть произошел своеобразный откат назад, в недавнее нацистское прошлое, когда Старого Фрица изображали точно так же, но только со знаком плюс, а не минус. Впрочем, под конец существования ГДР произошел ещё один смехотворный поворот на 180 градусов в отношении коммунистов ГДР к Фридриху II: в 1987 году, к юбилею Берлина, лидер СЕПГ Эрих Хонеккер поведал ошеломленной публике, что, оказывается, Фридрих Великий был первым социалистом Германии!

2

Третий рейх в ещё большей степени, чем ГДР, грешил тем, что подменял правду идеологическими мифами. Историк Христофер Кларк⁸ пишет: „Die nationalsozialistische Sicht der preußischen Vergangenheit war interessengeleitet, verzerrt und selektiv. Der gesamte Verlauf der preußischen Geschichte wurde dem Paradigma der deutschen Nationalgeschichte unter rassistischen Vorzeichen unterworfen” («Национал-социалистская точка зрения на прусское прошлое порождалась идеологическими интересами, искажёнными и избирательными. Весь ход прусской истории был подчинён парадигме немецкой национальной истории под знаком расизма»). Широко известно, например, что ещё в 1740 году во время церемонии похорон отца Фридриха Великого, короля Пруссии Фридриха Вильгельма I, Рыцарский зал королевского дворца с телом усопшего был задрапирован чёрными полотнищами с вышитыми на них серебряной нитью черепом без нижней части и скрещёнными костями. Именно в память об усопшем короле-солдате, создателе первоклассной армии в Пруссии, были сформированы первый и второй полк королевских лейб-гусар. Нацистам это понравилось до такой степени, что они добавили данную символику к своим эмблемам. В действительности же на гусарском головном уборе помещалось белое изображение лежащего скелета с песочными часами в руках и девиз на латыни: „Vincere aut mori” («Победить или умереть»).

⁸ Christopher Clark – специалист по истории Европы (Кембридж, Великобритания).

И лишь позднее эту эмблему заменило изображение черепа со скрещенными костями. А смысл эмблемы был прост: она знаменовала готовность гусар отдать жизнь во имя отечества и короля. В нацистской же геральдике «Мёртвая голова» стала символом устрашения, разрушения, язычества и смерти. В результате прусский дух стал напрямую ассоциироваться с СС. Пропагандистские клише времен Второй мировой войны сохранялись в своем первозданно искаженном виде на протяжении пятидесяти лет, причем не только на коммунистическом востоке Германии! Уже упомянутый мной писатель Людвиг Райнер писал в 1952 году: „Der wirkliche Friedrich war eine verwickelte, durchaus dämonische Natur, vom ersten Tag an verhaßt und vergöttert, einer der verschlagensten und zähesten Staatsmänner, einer der

standhaftesten und erfindungsreichsten Feldherrn aller Zeiten” («Настоящий Фридрих был запутанной исторической личностью, с чрезвычайно ярко выраженной демонической природой, с первого же дня правления он был ненавидим и обожествляем, являлся одним из хитрейших и наиболее жестких государственных деятелей и самым изобретательным полководцем всех времен»)⁹. В Западной Германии в 1958 году был опубликован, а затем и экранизирован роман Фрица Вёсса¹⁰ „Hunde, wollt ihr ewig leben?” («Собаки, хотите жить вечно?»), в котором речь идёт о немецких солдатах, отправленных воевать в Сталинград, где они проходят все круги ада. Для названия романа автор использовал известное выражение Фридриха Великого, храбреца, никогда не кланявшегося под пулями, который устыдил солдат своей гвардии, дрогнувших в бою¹¹. То есть Фриц Вёсс провел прямую параллель между Фридрихом II, отцом своего народа, и нацистами, считавшими солдат «пушечным мясом»!

Да и сейчас положение дел не намного лучше, причём повсеместно, в мировом масштабе. В современной Германии издано множество статей по одной и той же матрице: „Friedrich der Große: Vom Flöte spielenden Schöngeist zum preußischen Tyrannen” («Фридрих Великий: от прекрасного флейтиста к тирану Пруссии»). Зловещий образ Фридриха II занял солидное место также и в компьютерных играх, где он предстает как злобный и беспощадный завоеватель. Даже в фильме С. Спилберга „Indiana Jones and the Last Crusade” («Индиана Джонс и последний крестовый поход») нацисты устраивают факельные шествия и сжигают книги под музыку «Прусская слава» композитора Иоганна Пифке (Johann Gottfried Piefke, 1815–1884), как будто это нацистский марш! Конечно, на самом деле всё было совсем не так...

3

Действительно, в своих речах Гитлер любил упоминать Фридриха II и распространяться о «деятельности этого светлого гения, которого некогда называли великим, но которого мы ныне должны скорей называть «единственным»¹². Тем не менее избитый стереотип про якобы преклонение Гитлера перед Фридрихом разбивается на части тем фактом, что начиная с 1934 года и до конца своей жизни Гитлер **ни разу** не посетил ни одного места, связанного с именем Фридриха Великого!

Лишь однажды, в самом начале своей диктатуры – 1934 году, в „Tag von Potsdam” («день Потсдама»), который они называли „Tag der nationalen Erneuerung” («днем национального обновления»), Гитлер и нацистские депутаты рейхстага¹³ побывали в гарнизонной церкви Потсдама, где покоились останки прусских королей, создавая впечатление преемственности по отношению к ним, – и всё! Нацисты со свойственным им цинизмом и

⁹ Reinert L. FRIEDRICH. München: Verlag C. H. Beck, 1952.

¹⁰ Фриц Вёсс (псевдоним) родился в 1920 году в Вене. В 1938 году добровольно поступил на службу в вермахт, был курсантом в звании фанен-юнкера, став лейтенантом, принимал участие в оккупации Франции. В качестве командира батареи он участвовал в наступлении на Ленинград, в боях под Тихвином был ранен. После госпиталя был направлен в Сталинград, где воевал и попал в плен. Роман «Собаки, хотите жить вечно?» стал бестселлером и сегодня занимает особое место в литературе о Сталинграде, экранизация этого романа также пользовалась сенсационным успехом.

¹¹ На самом деле слова короля сознательно исказили, с целью опорочить. В битве при Колине, когда атака прусских войск захлебнулась, король кинулся сам возглавить её во главе резерва и, пролетая на коне мимо остановившихся и залёгших частей, прокричал им: «Так вы что же, парни, хотите жить вечно?». «Слушай, Фриц, мне кажется, за тринадцать пфенигов мы уже сделали достаточно!» – отозвался один из его солдат. Фридрих под ядрами скакал некоторое расстояние в сторону австрийских позиций, потом его догнал адъютант со словами: «Ваше величество, вы хотите атаковать батарею в одиночку?» Фридрих обернулся, увидел, что за ним никого нет, рассмеялся и поехал назад. А гвардия короля не отступила ни на шаг, и три четверти её состава пали в том кровопролитном бою.

¹² Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924. Stuttgart, 1980. S. 377.

¹³ Тогда это уже был не демократический парламент Веймарской республики, а нацистский. Девяносто шесть депутатов рейхстага времен республики были зверски убиты гитлеровцами.

пренебрежением к исторической справедливости изображали свое движение как квинтэссенцию прусских традиций, национальное наследие, а Гитлера – как реинкарнацию бывшего прусского величия. Так, на одной из открыток, выпущенных в марте 1933 года, можно было наблюдать Фридриха II, Бисмарка, Гинденбурга и Гитлера в сопровождении следующей надписи: „Was der König eroberte, der Fürst formte, der Feldmarschall verteidigte, rettete und einigte der Soldat“ («Что покорил король, воедино собрал граф и защитил фельдмаршал, то спас и соединил солдат»)¹⁴.

Фридрих Великий, граф Бисмарк, фельдмаршал Гинденбург и... Гитлер!

По меткому замечанию русского писателя Юлиана Семёнова, этот младший чин, выкравший генеральские сапоги, благодаря усилиям своей пропагандистской машины стал в один ряд с этими действительно выдающимися личностями. Можно ли придумать более издевательскую насмешку над здравым смыслом? Афоризмы Фридриха, адаптированные под нацистскую идеологию, огромными тиражами печатали в пресловутых „Wochen sprüche der NSDAP“, недельных чтениях НСДАП (то есть нацистской партии). Его имя использовали для рекламы организации зимней помощи „WHW“¹⁵ (Winterhilfswerk), ведь Фридрих Великий прославился своим милосердием и оказанием широкой помощи неимущим. В сознание простого обывателя вдалбливалась мысль, будто бы Третий рейх и есть воплощение мечты великого короля об идеальном германском государстве. В 1932 году в статье «Пруссия должна снова стать прусской» Геббельс написал, что нацистская партия преследует в обновленном виде те же идеалы, к осуществлению которых стремились Фридрих Вильгельм I, Фридрих II и граф Бисмарк. С 1933 года в Германии стали печатать многочисленные и совершенно искаженные нацистской пропагандой биографии Фридриха II: кроме восхвалений короля, в них постоянно выделялась актуальность его наследия, а также проводилась

¹⁴ C. Graf v. Krockow, Friedrich II., König v. Preußen. S. 48.

¹⁵ Благотворительная организация, структурно подчиненная Nationalsozialistischen Volkswohlfahrt – NSV (Национал-социалистическое общественное благосостояние). Деятельность благотворительных организаций курировал министр пропаганды Геббельс.

прямая параллель с нацистским режимом. Причем акцент делался вовсе не на философские и литературные сочинения короля, а на его военные подвиги, боевой опыт и вырванные из контекста цитаты, которые якобы оправдывали агрессивную войну на полное уничтожение. А ведь это не более чем повторение навета, лживого ярлыка, который навесили на Фридриха Великого его разгромленные враги и стали повторять его мнимые друзья – нацисты: мол, между Фридрихом II и истребительной агрессивной войной нужно поставить знак равенства.

Фридрих II защищал родину и при этом всегда был рядом со своими солдатами. Посылая их на смерть, он и сам мог в любой момент погибнуть, как любой из них. При этом никогда не бахвалился смелостью, а просто скромно считал это само собой разумеющимся, обязанностью командующего. Король часто свободно расхаживал вообще один, без свиты и телохранителей, смеясь над опасностью. А Гитлер, совершавший неслыханные военные преступления и навлекший на свой народ негодование всего мира, именовал себя солдатом, но при этом ни разу не был на фронте. Он практически не вылезал из своего бункера до самого конца войны. Охрана его была огромна, она именовалась „Reichssicherheitsdienst, RSD” («Имперская служба безопасности»). Даже когда исход битвы за Берлин в 1945 году стал очевиден, гибели в бою он предпочёл самоубийство. Более подробно остановимся на этом чуть позднее.

4

Любимец фюрера рейхсминистр А. Шпеер¹⁶ в своих «Воспоминаниях» („Erinnerungen”) дал исчерпывающую характеристику своему шефу:

«Дилетантство было у Гитлера доминирующим качеством. Он никогда не учился профессионально и всегда оказывался посторонним человеком во всех областях. Как и большинство самоучек, он просто не имел представления о том, что такое специальные знания, профессионализм. Без всякой озабоченности перед любой задачей он смело пробовал то один способ, то другой...» Напомню, это написал человек, о котором личная секретарша Гитлера Траудль Юнге (Traudl Junge) сказала: «Шпеер, пожалуй, был единственным человеком, к которому Гитлер испытывал какие-то чувства, кого слушал и с кем иногда даже беседовал». Можно лишь поражаться тому, что люди безропотно принимали и терпели абсолютную власть над собой в стране со стороны такой жалкой личности и его банды. Особенно заметно дилетантство диктатора проявлялось в военной области.

Вот что писал о Гитлере генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн (Erich von Manstein, 1887–1973), которого часто именовали неформальным лидером немецкого генералитета времен Второй мировой войны, в своих мемуарах „Verlorene Siege” («Утерянные победы»): «Он хотел походить на Наполеона, который терпел только помощников и исполнителей своей воли; но у него не было ни военных знаний, ни военного гения, какими обладал Наполеон... Остаётся ещё рассказать, как протекали споры между Гитлером и крупными военачальниками, неизбежные при тех взглядах, которых придерживался Гитлер по вопросам военного руководства. В отдельных описаниях подобных дискуссий перед нами предстает беснующийся Гитлер с пеной на губах, а при случае и впивающийся зубами в ковёр. То, что у него были взрывы бешенства, когда он терял всякое самообладание, безусловно, верно... Какая-либо внутренняя связь, тесный контакт между диктатором, фанатиком, думавшим только о своих политических целях и жившим верой в свою «миссию», и военными руководителями, естественно, не могли установиться. Личное, по-видимому,

¹⁶ Шпеер Альберт (Albert Speer, 1905–1981) – государственный деятель Германии, личный архитектор Гитлера, рейхсминистр вооружений и военного производства.

не интересовало Гитлера вообще. В людях он видел всего-навсего инструменты, призванные служить его политическим целям. Никакие узы дружбы не связывали Гитлера с немецкими солдатами»¹⁷. Йозеф Геббельс писал о том, что его кумир во время войны открыто восхищался своим врагом, советским диктатором: «Фюрер уже **неоднократно** говорил мне, что испытывает отвращение к нашему генералитету... Сталину в этом смысле проще – он своих генералов вовремя велел расстрелять, и они ему теперь не могут помешать»¹⁸. Можно ли представить себе, чтобы во время войны Фридрих Великий неоднократно восхищался бы варварством своих противников и мечтал бы казнить всех своих генералов? Впрочем, разве фюрер только мечтал? Расправа над офицерами, участвовавшими в попытке устранения Гитлера 20 июля 1944 года, была достойна демона из ада, а не человека. «По Германии, в тылу и на фронтах, прокатилась волна арестов, за которой последовали ужасающие пытки, военно-полевые суды и громкие процессы. Приговоры приводились в исполнение по большей части путем медленного удушения жертв рояльными струнами, перекинутыми через крюки для подвески мясных туш. Крюки же брали напрокат в мясных лавках и на скотобойнях. Родственников и друзей обвиняемых тысячами отправляли в концлагеря, где многие из них погибли. С теми немногими, кто приютил у себя скрывавшихся, расправились таким же образом»¹⁹. Всего же до полного разгрома рейха нацисты успели убить около пяти тысяч офицеров!

Генерал-фельдмаршал Вицлебен на суде нацистов

И кто после этого посмеет сказать, что у Гитлера было нечто общее с великим королём? С одной стороны – беснующийся фанатик, грызущий ковер, уверовавший в свою исключительность и при этом абсолютно равнодушный к гибели своих солдат и страданиям народа, открыто ненавидящий и при первой возможности с яростью дикаря уничтожающий своих генералов и сожалеющий лишь о том, что не успел их всех перестрелять. А с другой – действительно великий человек, который всю жизнь посвятил своим подданным и трогательно заботился о своих старых офицерах до самой их смерти, справедливо считая их своими боевыми друзьями. Фёдор Алексеевич Кони (1809–1879)²⁰ писал о последних годах жизни Фри-

¹⁷ Манитейн Э. Утерянные победы / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 319–324.

¹⁸ <http://www.welt.de/geschichte/zweiter-weltkrieg/article120102881/Als-Hitler-Stalins-Umgang-mit-Generaelen-bewunderte.html>

¹⁹ Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск: Русич, 1999. С. 641.

²⁰ Фёдор Алексеевич Кони – российский драматург XIX века, театральный критик, мемуарист. Автор монографии «История Фридриха Великого» (1844), за которую Йенский университет присудил ему ученую степень доктора философии

дриха Великого: «При короле остался только Джордж Кейт, брат погибшего фельдмаршала, и генерал Фуке. Фридрих, этот мизантроп и язвительный циник, не задумываясь выплескивавший всю желчь характера на любого, кто подворачивался под горячую руку, ужасно носился с этими двумя стариками. Когда у Фуке стал притупляться слух, король выписал ему из Парижа слуховые рожки, а когда его старый приятель начал даже говорить с трудом, изобрел особенную машину, посредством которой, составляя буквы, можно было объясняться, и по несколько часов в день проводил с ним в таком немом разговоре»²¹.

Фельдмаршал Манштейн вольно или невольно в нескольких словах вынес приговор вообще всему нацистскому режиму: никакие узы дружбы не связывали партийных бонз с немецкими солдатами!

Я бы от себя добавил: и с немецким народом, который стал первой жертвой нацизма, хотя на партайтаге (съезде нацистской партии) заместитель Гитлера Рудольф Гесс (Rudolf Walter Richard Heß, 1894–1987) и кричал с пеной у рта, мол: «Партия – это Гитлер; Германия – это Гитлер; а Гитлер – это Германия» («Die Partei ist Hitler; Deutschland ist Hitler; Hitler ist Deutschland»). Ведь этот преступный режим уничтожил не только всех немецких евреев в огне Холокоста, но и около двух миллионов коренных немцев: антифашистов, представителей левых партий, участников движения Сопротивления, христиан и ... больных **немецких** детей! А сколько всего немцев было отправлено в концлагеря на «перевоспитание» и там подвергнуто средневековым пыткам и издевательствам? Любое сопротивление режиму немедленно каралось обезглавливанием. В нацистской Германии настоящий «ренессанс» пережила гильотина: за годы диктатуры таким способом, топором, было обезглавлено около сорока тысяч человек!

Многим немцам пришлось покинуть родину по политическим причинам. Десятки тысяч немцев нацисты обобрали до нитки и изгнали. 25 августа 1933 года в газете „Deutscher Reichsanzeiger“ был напечатан первый список людей, которых лишали немецкого подданства. Всего же таких списков было 359! За время нацистской диктатуры 39 006 человек были лишены гражданства. Их имущество было конфисковано, а сами они не могли чувствовать себя в безопасности даже за границей. С целью устрашения нацисты вывесили в «Немецком клубе» в Лондоне портреты 33 фигурантов списка с подписью: «Если вы встретитесь с ними – забейте до смерти!». Рудольф Брейтшейд (Rudolf Breitscheid, 1874–1944) – немецкий политик, левый либерал, впоследствии социал-демократ, погибший в концлагере Бухенвальд. Писатели Пауль Томас Манн и его брат Генрих Манн, социал-демократ Отто Вельс (Otto Wels)... адвокаты, журналисты, пацифисты, кинематографисты, театральные критики – все они стали персонами нон-грата в Германии. Более 250 немецких писателей уехало от «коричневой чумы» со своей родины. Однажды на одном банкете министр образования Третьего рейха Бернхард Руст спросил у великого математика Гильберта: «Как теперь математика в Гёттингене, после того как она освободилась от еврейского влияния?» Гильберт уныло ответил: «Математика в Гёттингене? Её больше нет» (...das gibt es doch gar nicht mehr)²².

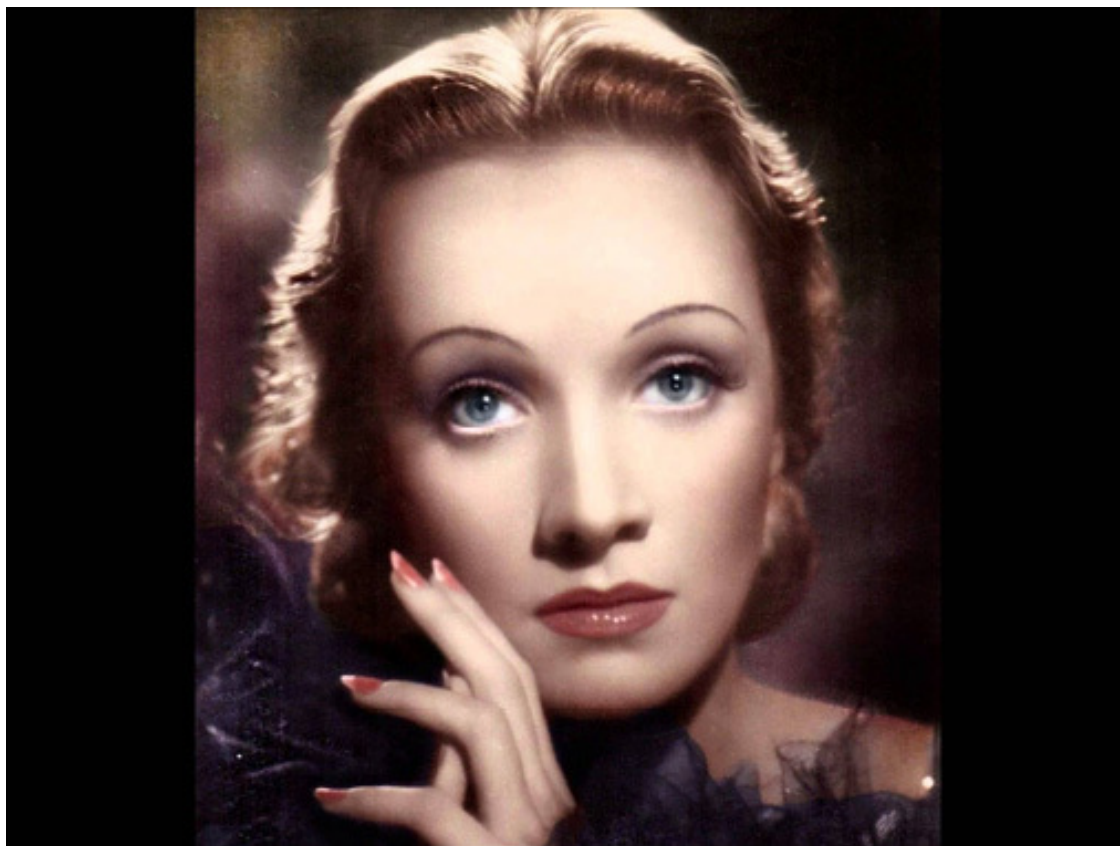
Великая немецкая актриса Марлен Дитрих (Marie Magdalene Dietrich, 1901–1992), например, не только эмигрировала из Германии, но и публично отклонила все заманчивые и более чем щедрые предложения нацистов о съёмках фильма под эгидой Министерства пропаганды в Третьем рейхе. А в марте 1943 года она прервала актерскую карьеру и в течение трёх лет выступала с концертами перед солдатами союзников в Северной Африке, Италии и Франции, чтобы доказать, что далеко не все немцы – нацисты. Всего за годы войны Дитрих

фии.

²¹ Кони Ф. Фридрих Великий. СПб., 1844.

²² Констанс Рид, 1977, ГИЛЬБЕРТ, глава XXIII БЕГСТВО (<http://www.kvant.info/reid/p5.htm#24>)

выступила более чем в пятистах представлениях. В 1947–1950 годах её наградили высшим орденом американского военного министерства для гражданских лиц – медалью Свободы, а также двумя французскими орденами Почётного легиона.

Марлен Дитрих в фильме «Голубой ангел»

5

Далеко не всем удалось вовремя бежать из нацистского государства. Известнейший немецкий публицист-антифашист, пацифист и лауреат Нобелевской премии мира 1936 года Карл фон Осецкий (Ossietzky Carl von, 1889–1938), не принадлежавший ни к одной из политических партий, ещё до прихода нацистов к власти писал: «Гитлер – это война, это страшная беда и несчастье для немцев». Он смело разоблачал идеологию нацистов, издевался над их лживой пропагандой, убедительно доказывая, что в основе её лежит лишь демагогия. Карл фон Осецкий был одним из немногих немцев, публично раскритиковавший книгу Гитлера «Майн кампф», как расистскую. В своих статьях он доказывал, что антисемитизм гитлеровцев опасен не только евреям, но и немцам, поскольку толкает Германию на гибельный путь. Особенно яростно он критиковал нацистскую прессу вообще и статьи Геббельса в частности, как рассадник расизма и милитаризма. Немедленно после установления гитлеровской диктатуры он стал жертвой нацистов. Его арестовали и бросили в тюрьму Берлина, после этапировали в концлагерь Зоннебург, а чуть позже – в лагерь Эстервеген-Папенбург. Рабский труд и постоянные издевательства быстро свели его в могилу, несмотря на протесты всего мира. «Лиге борьбы за права человека» совместно с международной организацией писателей «Пен-Клуб» удалось собрать более пятидесяти тысяч подписей с требованием немед-

ленно освободить журналиста, но всё было тщетно. Карл Осецкий скончался от туберкулеза 4 мая 1938 года.

Можно сказать с абсолютной уверенностью, что нацистские бонзы никогда не брали в руки даже самые известные книги Фридриха Великого, посвященные военному делу. В своем базисном труде «Главные принципы войны» Фридрих II писал:

«Если война ведется в нейтральной стране, то главное заключается в том, какая из обеих сторон заслужит дружбу и доверие населения. Необходимо сохранять строгую дисциплину...» (Здесь и далее подобным образом мной выделены цитаты самого Фридриха Великого – М. Б.)

Далее он пишет о том, что необходимо проявлять веротерпимость на занятых территориях, чтобы мирное население почувствовало разницу между дисциплинированным, проявляющим милосердие прусским войском и армиями союзной коалиции: Австрии, России, Швеции и Франции.

А нацисты проводили в жизнь политику, полностью противоположную этим принципам: войска СС и вермахт запятнали свою честь карательными операциями, а также тем, что творили военные преступления против мирного населения в невиданных масштабах. Всю войну они осуществляли массовые репрессии: казнили евреев, цыган, пленных советских солдат, американских лётчиков, собственных граждан – противников режима и т. д. В Пруссии времен Фридриха Великого вообще не существовало тайной полиции, в то время как при нацистах в полную мощь орудовало всемогущее гестапо! Где же тут общее?

Представляется совершенно невероятным, что нацисты, чья идеология базировалась на заведомо ложных предпосылках, вдруг могли бы изменить самим себе и здраво оценить деятельность Фридриха Великого. Так что они остались верны своим догмам и привычно сфальсифицировали историю, подогнав её под текущие политические задачи. Ведь незадолго до нападения на Польшу Гитлер прямо сказал своим генералам «Всё зависит от меня, от моего существования, от моих талантов как политика. Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь будет пользоваться доверием всего немецкого народа в такой же степени, как я, – это факт. Вряд ли когда-либо появится человек, обладающий большей властью, чем я. Значит, сам факт моего существования необычайно важен». На совещании высших офицеров вермахта 23 ноября 1939 года Гитлер заявил: «Я должен сделать выбор между победой и гибелью. Я выбираю победу. Это величайшее историческое решение, которое можно сравнить лишь с решением Фридриха Великого перед первой силезской войной. Пруссия обязана своим возвышением героизму одного человека»²³. Очевидно, офицеры вермахта должны были сделать правильный вывод о том, что грядущим возвышением Великой Германии они обязаны героизму второго великого человека, который сейчас держит перед ними речь. Думаю, что читателю любопытно будет сравнить этот жалкий лепет человека, больного манией величия, со словами ещё одного именитого фальсификатора истории, правда, не коричневого, а красного цвета. Так вот, Ф. Энгельс писал: «Со времен Фридриха II Пруссия видела в Германии, как и в Польше, территорию для завоеваний, от которой урывают, что возможно, но которой, само собой разумеется, приходится делиться с другими. Раздел Германии при участии иностранных государств и в первую очередь Франции – такова была «германская миссия» Пруссии, начиная с 1740 года»²⁴. Интересно, понимал ли Гитлер, что вольно или невольно он не высказал ничего нового, а лишь в очередной раз воспроизвел смехотворный марксистский бред? В XVI–XVIII веках, когда во многих европейских странах уже давным-давно сложилась централизованная власть, в Германии не существовало целого и единого государства, вместо этого на ее территории располагались княжества, курфюршества, герцогства, коро-

²³ Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. Stuttgart. 1970. S. 10.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 435.

левства и маркграфства, которые чисто формально входили в состав «Священной Римской империи германской нации»²⁵. Ведь Пруссия после Семилетней войны выступала в роли защитника хрупкого имперского порядка и стремилась взять на себя роль гаранта сохранения суверенных прав малых субъектов империи. В 1785 году под руководством Фридриха II был создан Союз немецких князей («Fürstenbund») как альтернатива имперским институтам, контролируемым Габсбургской династией²⁶. О какой же экспансии может идти речь?

6

И всё же не совсем ясно, зачем нацисты постоянно сравнивали Гитлера с Фридрихом II, какую цель они преследовали кроме создания культа личности своего фюрера? Разгадка, на мой взгляд, чрезвычайно проста. Дело в том, что прусские короли, а затем и императоры Германии доверяли руководство армией своим генералам и Генеральному штабу. А известно, что Фридрих Великий лично руководил своей армией. Вот что привлекло фюрера, который возомнил себя великим полководцем и провозгласил Верховным главнокомандующим, задвинув в тень Генеральный штаб! Бывший ефрейтор Гитлер корчил из себя прямого преемника Фридриха-полководца и приказал изготовить на фарфоровой фабрике близ Мюнхена, специально купленной для этой цели нацистской партией, сто конных статуэток прусского короля, которые он презентовал фельдмаршалам и другим высокопоставленным деятелям Третьего рейха, чтобы воодушевить их на дальнейшие завоевательные походы²⁷. Я только могу догадываться, о чём думали эти генералы, получив такой подарок, но вряд ли это добавило баллов в их оценке умственных способностей фюрера. Впрочем, это было лишь одним эпизодом из целого каскада унижений, которым нацистский лидер подверг офицеров. Когда же непродолжительное военное счастье изменило нацистам, то наследие Фридриха они стали использовать в несколько иной плоскости – ради оправдания своих авантур и неудач. Генерал-полковник Г. Гудериан²⁸ вспоминал об одном совещании у Гитлера зимой 1944/45 года: «Гитлер указал на картину фон Графа²⁹, на которой был изображен прусский король, после чего произнес: «Этот портрет всегда вселяет в меня новые силы, когда тревожные сводки с фронтов начинают угнетать меня. Посмотрите на властный взор его голубых глаз, на этот огромный лоб. Вот это голова!» Затем мы начали беседу о государственном и полководческом таланте великого короля, которого Гитлер ставил выше всех и на которого он хотел бы походить. Но, к сожалению, его способности не соответствовали его желанию». К слову, портрет Фридриха был единственной картиной в бункере Гитлера. Как тут не вспомнить знаменитый исторический фильм тех лет „Der große König” («Великий король»), вышедший на широкий экран в 1942 году, когда нацистский рейх все еще находился в зените своих побед и завоеваний. Это был фильм с претензией на историческую достоверность, а по своей сути пропагандирующий идеи национал-социализма. Министр пропаганды Третьего рейха Геббельс и не скрывал этого. Вот что он записал в своем дневнике: «Мы живём во

²⁵ Священная Римская империя (962–1806), основанное в 962 году германским королем Оттоном I феодально-теократическое государственное образование.

²⁶ Габсбургская династия – германско-австрийская династия, владевшая с 1282 года Австрией, а в 1438–1806 годах неизменно (с кратким перерывом в 1742–1745 годах) удерживавшая титул императора Священной Римской империи. На протяжении своей истории Габсбурги давали королей для Чехии, Венгрии, Испании, Сицилийско-Неаполитанского королевства, были герцогами Тосканы и Модены, правили в бесчисленных более мелких феодальных образованиях.

²⁷ Вопросы истории. 1988. № 11. С. 98–118.

²⁸ Г. Гудериан (Heinz Wilhelm Guderian, 1888–1954) – руководитель Верховного командования сухопутных войск сил Германии.

²⁹ Имеется в виду Антон Граф (Anton Graff, 1736–1813) – немецкий художник швейцарского происхождения, выдающийся портретист своего времени.

время, когда нам как никогда необходим дух Фридриха Великого. Напряжением последних сил мы должны справиться с трудностями, которые обрушились на нас. Если мы окажемся сильнее их, то они укрепят наше национальное единство. Ещё раз подтверждаются слова Ницше: то, что не убивает нас, делает нас сильнее».

Постер к фильму „Der große König” («Великий король»)

В том же самом году в радиообращении, которое было приурочено ко дню рождения Гитлера, он произнес следующие слова: «В этом фильме была предпринята попытка показать неповторимый облик великого прусского короля. Этот фильм не пытается ниспровергнуть его с постаментов истории, не пытается показать монарха как героя анекдотов. В ленте он показан как реальный исторический персонаж, как человек, который жил и действовал в своё время. Здесь придается значение не традиционному историческому описанию, а изображению человеческой сущности политического и военного гения, который ценен для нас сегодня, так как он смог преодолеть свои поражения, что стало для него очередной победой. Великий прусский король предстаёт перед нами как сражающийся титан, обреченный на

семь лет страданий»³⁰. Основная идея фильма такова: король был столь же одинок среди изменников из знати и генералов, как и фюрер, он также воевал против всего мира и смог получить поддержку лишь со стороны простого народа. Фридрих II в одной из сцен фильма говорит: «Тот, кто сомневается в победе, является государственным изменником». Причем говорит это на классическом немецком языке, поскольку нацистская цензура заставила полностью переозвучить все те сцены, в которых Фридрих говорил либо на французском языке, либо на берлинском диалекте, хотя очевидно, что это абсолютно неверно с исторической точки зрения. Мало того что его бабушка, Доротея Брауншвейг-Люнебург-Целльская, принцесса Альденская была француженка, но ведь он говорил про самого себя так: „**Ich mache Ihnen streitig, ein besserer Franzose zu sein als derzeit ich**” («Я держу пари, что я француз лучше любого француза»). А в финале фильма король не принимает ликование знати и презрительно бросает им прямо в лицо нелепое обвинение: «Вы так часто меня предавали, мои генералы!» Позвольте, но это же слова не Фридриха II, а Гитлера! Фридрих Великий не особенно жаловал своих министров, это правда³¹, но никогда в жизни он не упрекал их в предательстве. А что касается генералов, то к ним он до конца жизни относился как к своим боевым товарищам и высоко их ценил. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих отношение фюрера к своим военным. Адьютант плененного в Сталинграде фельдмаршала Паулюса полковник Адам писал: «Необузданное властолюбие и вечный страх диктатора оказаться оттеснённым на второй план или быть как-либо ущемлённым, бесспорно, способствовали тому, что он относился к генералам старой школы подозрительно». Если себя он ставил на один уровень с самыми великими полководцами прошлого, то по отношению к генералам вермахта снисходителен не был: «Кругозор моих фельдмаршалов – размером с унитазную крышку». Личный фотограф фюрера Хайнц Гофман вспоминал, что однажды за ужином в FHQ „Wolfsschanze” (главной ставке фюрера «Волчье логово») он дико кричал: «Мои офицеры – кучка мятежников и трусов. Я больше не допущу их в свой ближний круг...» При прощании со своим личным пилотом Хансом Бауром фюрер с горечью сказал: «На моем могильном камне нужно было бы высечь: «Он стал жертвой собственных генералов». И таких воспоминаний великое множество!

К сожалению, в создании искаженного имиджа короля Фридриха II принимали участие и некоторые представители вермахта. Так, в 1941 году, накануне дня рождения Гитлера, газета „Völkischer Beobachter” («Народный обозреватель»)³² напечатала статью генерал-фельдмаршала Рейхенау (Walter von Reichenau, 1884–1942) под названием «Полководец», в которой он в худших традициях лизоблудства приводил высосанные из пальца исторические параллели между своим бесноватым кумиром и Фридрихом II, который был и королем, и полководцем. И чем хуже становилось положение зарвавшегося авантюриста и кровавого палача Гитлера на фронтах, тем всё активнее пропаганда Третьего рейха сравнивала его с великим королем, выражая уверенность в том, что немцы – так же как это было в Семилетнюю войну – после самых страшных поражений выйдут победителями из войны с русскими. Граф Шверин фон Крозиг³³ записал в своем дневнике рассказ Геббельса о том, как он пытался поднять настроение фюреру, приводя ему выдержку из «Истории Фридриха Великого» Карлейля³⁴: «Во время Семилетней войны бывали такие «чёрные периоды», когда одна плохая весть едва не обгоняла другую». Великий король, – говорил Геб-

³⁰ Васильченко В. Проектор доктора Геббельса. Кинематограф Третьего рейха.

³¹ Однажды он назвал их ослами, безразличными людьми и продажными субъектами.

³² «Фелькишер беобахтер» – ежедневная газета, официальный орган НСДАП.

³³ Граф Шверин фон Крозиг (Schwerin von Krosigk, 1887–1952) – министр финансов в первом кабинете Гитлера.

³⁴ Карлейль Томас (Thomas Carlyle, 1795–1881) – британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения, автор книги «История жизни Фридриха II Прусского» (1858–65).

бельс, – как и Гитлер, носил с собой ампулу с ядом, который можно было принять в любой момент. Его русский противник доставлял ему ужасные неприятности, но король среди всех невзгод не забывал обмениваться письмами с маркизом д'Аргенсоном, содержащими образцы высокого красноречия и благородного мужества. Гитлера явно вдохновляли цитаты из этих писем, которые с благоговением в голосе читал ему его министр пропаганды. Так, в августе 1944 года Гитлер заявил: «При всех обстоятельствах мы будем вести эту борьбу до тех пор, пока, как сказал Фридрих Великий, кто-либо из наших проклятых врагов устанет бороться далее»³⁵. Словом, он требовал от людей сражаться до последнего, принуждая расплачиваться жизнью и кровью за свои ошибки и чудовищные преступления в надежде на чудесное избавление. Ю. Семёнов в своем романе «Семнадцать мгновений весны» назвал это «алогизмом логики»: «Введение карточной системы? В этом виноваты Кремль, Черчилль и евреи. Отступили под Москвой? В этом виновата русская зима. Разбиты по Сталинграду? В этом повинны изменники генералы. Разрушены Эссен, Гамбург и Киль? В этом виноват вандал Рузвельт, идущий на поводу у американской плутократии». Нацисты являлись временщиками, которые дорвались до власти и упивались ей, а великий король действительно жил ради своей страны.

Гитлер любил разглядывать ладони других людей. У него была огромная книга в роскошном переплете, где были собраны рисунки ладоней всех великих людей прошлого. Гитлер любил показывать эту книгу своим гостям и особо гордился тем, что рисунок его ладоней очень похож на рисунок ладоней Фридриха Великого – так что и ему, быть может, выгорит с блеском выйти из войны, несмотря на отчаянное положение, как и великому королю! Не выгорело...

7

В своем воспаленном воображении Гитлер, вероятно, рассматривал отца Фридриха Великого – Фридриха Вильгельма I (Friedrich Wilhelm I, 1688–1740) на фоне собственной «борьбы» против жестокого отца Алоиза Шикльгрубера. Очевидно, именно это и стало основной причиной того, что Фридриха Великого, а вовсе не его отца Гитлер вывел на передний план в национал-социалистской пропаганде. Ведь если попытаться рассуждать так, как это делали нацистские бонзы, то именно отец Старого Фрица в гораздо большей степени подходил на роль предтечи национал-социалистов.

³⁵ Bleyer W., Dreschler K. e. a. Deutschland 1939–1945. Berlin, 1975. S. 396.

Фридрих Вильгельм I

Он был невероятно жесток. Когда он ещё был подростком, то его **родная мать (!!!)**, королева Софья Шарлотта, так написала о нём: «Молодой человек, казавшийся мне лишь непоседливым и вспыльчивым, сегодня проявил признаки жестокости, причиной которой может быть только очень злое сердце». Фридрих Вильгельм I был чистокровным пруссаком с характером, который в Третьем рейхе именовали нордическим. Он был хорошим семьянином: всю свою жизнь был верен жене, у них родилось 14 детей! Правда, при этом он был настоящим деспотом по отношению к своей супруге, Софии Доротее, единственной законнорожденной дочери английского короля Георга I, поскольку, по его мнению, «женщин надо держать в повиновении, иначе они начинают вить веревки из своих мужей». Король-отец был весьма прост в общении, причем предпочитал рубленый армейский лексикон и не стеснялся ненормативной лексики. Именно он являлся создателем первоклассной армии, был весьма экономен и умерен в расходах, вошел в историю под прозвищем «король-солдат» и «фельдфебель Европы». А ещё он чисто по-плебейски презирал гуманитарную учёность и уважал исключительно практические знания. Досуг его тоже не отличался большим раз-

нообразиям, всё больше он забавлялся дворцовой потехой – медвежьими боями, игрой в нарды, выступлениями канатных плясунов, пил пиво, курил трубку и устраивал бесконечные парады войск. Как-то раз от нечего делать он приказал задержать нескольких проходивших по улице дам, затем всучил им в руки веники и заставил мести плац. Не были защищены от его произвола и женщины высокого происхождения. Если король замечал их праздно прогуливающимися по улицам города, то в ход шла палка, не знающая пощады и снисхождения к слабому полу: «Честная женщина сидит дома и занимается хозяйством, а не шляется по улицам!» Такая строгость, граничащая с безумием, наводила страх на горожан: когда его величество выходил на прогулку, все разбегались от него в разные стороны, словно от тигра, вырвавшегося из клетки. Однажды на берлинской улице какой-то прохожий, завидев короля, пустился бежать от него что было сил. Фридрих Вильгельм I велел немедленно поймать его и доставить к нему. «Зачем ты бежал от меня, бездельник?» – грозно спросил он у схваченного беглеца. «Я испугался, ваше величество», – отвечал тот. Король принялся бить его палкой, приговаривая: «Ты должен любить меня, любить, любить, а не пугаться, бездельник!»³⁶ Любимыми его выражениями были: «Я не терплю возражений!» и «Не рассуждать!». Телесные наказания он применял по отношению к собственной семье, к придворным, в канцеляриях, в штабах. Известен случай, когда он избил даже священника, который имел несчастье засмотреться на парад: король, не помня себя от гнева, гнал его палкой до самых ворот церкви! Но и дома горожане не могли чувствовать себя в безопасности: если до короля доносились крики мужа и жены, ругавшихся у себя дома, он немедленно вторгался в их квартиру и мирил их при помощи палки. Он уменьшил жалованье служащим в пять раз и во столько же увеличил налоги, которые теперь распространялись в равной мере на всех жителей страны, не минуя никого, даже обнищавших крестьян. Впрочем, дело не всегда заканчивалось одной лишь поркой. Во всю мощь применялась и смертная казнь, причем у аристократов шанс попасть на плаху был не меньше, чем у простолюдинов: например, в 1731 году за растрату государственных денег повешен один из высших государственных чиновников по имени фон Шлюбхут. Солдат, крепостных крестьян, мануфактурных рабочих, канцелярских служащих, школьников при нем пороли жестоко и систематически. При этом королю телесное наказание почиталось единственной и наиболее надежной мерой общественного воспитания и исправления, порка гарантировала в его глазах процветание страны. Дисциплина в армии поддерживалась тем же способом – солдат порой забивали насмерть палками за ничтожные проступки. Читая воспоминания об этом короле, просто невозможно вообразить его без палки, которой он регулярно избивал и калечил своих подданных.

В 1731 году ему вдруг пришло в голову, что в столице слишком много старых зданий. Недолго думая, он распорядился, чтобы его солдаты немедленно снесли все старые здания в городе, чтобы на их месте возвести новые. При этом судьба людей, лишённых крова, его совершенно не волновала.

Был у него и свой придворный шут по имени Гундлинг, однако этот шут отличался от остроумных шутов при других дворах, он скорее напоминал мальчика для битья из «Принца и нищего» Марка Твена. Специально для него король придумал особый мундир, а также снабдил его огромным деревянным камергерским ключом. Этот мундир был увешан орденами с изображениями быков, ослов и обезьян. Вот что доставляло удовольствие королю: однажды королевская компания положила в постель к несчастному шутике медведя и закрыла обоих в комнате, откуда всю ночь доносились рычание и душераздирающие крики Гундлинга. (Очевидно, что А. С. Пушкин при написании «Дубровского» использовал этот сюжет

³⁶ Сравним. Фридрих Великий говорил: «Солдаты – мои люди и граждане, и я хочу, чтобы с ними обходились по-человечески. Бывают случаи, где строгость необходима, но жестокость во всяком случае непозволительна. Я желаю, чтобы в день битвы солдаты меня более любили, чем боялись».

из настоящей хроники прусского двора.) Как-то зимой в Вустерхаузене Фридрих Вильгельм I велел вытащить шута на один из трех мостиков надо рвом и спускать его через перила на канате, пока тот не пробил телом лед и не ушел по шее в воду. Король чуть не падал со смеху, велел изобразить эту сцену на картинах и затем развесить их во дворцах Берлина и Потсдама. Коллегой шута был некто Давид Фасман, получивший от короля звание профессора. Гундлинг же был пожалован баронским титулом. И они забавляли короля тем, что напивались до полусмерти, начинали лупить друг дружку, а потом более сильный профессор сдирал с барона штаны и ставил горячую сковородку ему на задницу. За эти выдающиеся заслуги 18 марта 1711 года Прусская академия наук избрала Гундлинга своим действительным членом. А 5 марта 1718 года король назначил Гундлинга на пост президента Академии наук, сделав его, таким образом, преемником великого Лейбница (легко можно представить себе, в какой цирк превратилась тогда эта «академия»). Когда же шут Гундлинг скончался, то Фридрих Вильгельм I похоронил беднягу возле церкви в деревне Борнштедт близ Потсдама в винной бочке! Эти похороны также стали очередной потехой для короля: в его присутствии надгробную речь над могилой Гундлинга произнес «профессор» Фасман:

«Здесь закопана свинья с головою человека.
В юности он был мудрец, в старости – безумец.
По утрам всех веселил, к вечеру с ума сходил.
Вакх у бочки сам не свой:
«Здравствуй, Гундлинг дорогой!»

Самый знаменитый его афоризм звучит так: «Крупница природного ума весит больше центнера университетской премудрости!» Сразу после коронации Фридрих Вильгельм I разогнал великолепную капеллу своего покойного отца, оставив лишь капельмейстера Пепуша, который быстро сообразил, что может остаться без заработка, и собрал из полковых музыкантов новый, войсковой оркестр, исполнявший бравурные марши. Такая музыка была королю по нраву, он оставил Пепуша при дворе. Фридрих Вильгельм I обычно по вечерам любил сидеть в компании нескольких своих генералов при зажжённых фонарях во дворе, курил табак, безудержно пил пиво, ругал профессоров и «чернильные души», проклятых французов и провозглашал здравицы в честь «Германской империи германской нации». На одном таком «табачном коллегиуме» Фридрих Вильгельм I заявил: «Зачем нужен такой ученый, который не способен даже стоять на часах?»

«Табачный коллегium»

А затем, как я уже писал, выгнал со службы самого Готфрида Вильгельма Лейбница (Gottfried Wilhelm von Leibniz, 1646 – 1716), основателя и президента Бранденбургского научного общества. Лейбниц был одним из создателей немецкого философского и научного лексикона, а также талантливым изобретателем: он проектировал оптические приборы и гидравлические машины, работал над созданием «пневматического двигателя», изобрел первый интегрирующий механизм и уникальную для того времени счетную машину. Лейбниц писал: «Науки не могут быть абстрактными – они должны приносить пользу телу и духу гражданского общества. Академия призвана объединить теорию и практику, повысить уровень не только искусств и наук, но также страны и человека, земледелия, мануфактур и торговли – словом, всеобщего благосостояния». Реализуя свои идеи на деле, ученый разделил Берлинскую академию на четыре отделения: 1) физики, химии и медицины; 2) математики и астрономии; 3) немецкого языка и истории; 4) литературы и восточных языков. Он прославил немецкую науку на весь мир. Такой «идиот» королю был не нужен.

Кроме того, Фридрих Вильгельм I обожал охоту – летописи доводят до нашего сведения, что порой он убивал до двухсот куропаток за день, повергая в ужас кронпринца Фридриха! Словом, это был типичный коронованный плебей. Он ненавидел все французское до такой степени, что даже узников, приговоренных к смерти, он приказал одевать во французскую одежду. И в этом нет ничего удивительного, ведь его настольной книгой был памфлет его первого учителя, Фридриха Крамера, под заголовком «Немецко-французская модная душа». Вот, в частности, что было там написано: «С тех пор как у нас, немцев, завелись французские черти, мы, к сожалению, полностью изменились в своей жизни, своих обы-

чаях и привычках... Древние немецкие обычаи и храбрость потеряны! И все это из-за рабского подражания чужому народу! Надменная, фальшивая, развратная французская душа, усыпившая нас сладкими словами, речами и посулами, хочет избавить нас от собственной немецкой свободы... Парень, желающий стать придворной бабой, должен уметь присоединяться к болтовне, должен быть одетым в шляпку, жилет, изящные чулочки и т. д. Не важно, что у него кривой нос, выпученные глаза, горб, клыки, кривые ноги и так далее, – лишь бы он был одет *a la mode frans* (по французской моде)...

Фридрих II был немецким патриотом в гораздо большей степени, чем его отец, и это не мешало ему восторгаться французским языком и культурой, брать оттуда всё самое лучшее и воплощать на своей земле. А вот в политике он был прагматиком и руководствовался совсем иным принципом, который сформулировал в письме к Подевиле³⁷ следующим образом: **«Раз должно произойти надувательство, то шельмами будем мы»**. Например, однажды французский посол, герцог Нивернуа³⁸, предложил Фридриху II союз, направленный против Англии. За это Пруссия получила бы остров Тобаго. Фридрих ответил на это: **«Остров Тобаго? Может быть, вы еще предложите остров Баратарии, но ради него я не стану разыгрывать роль Санчо Панса»**. И действительно, до конца своей жизни великий король в политике действовал лишь ради достижения реальных, а не мнимых результатов: когда того потребовала ситуация, он не задумываясь вступил в войну с Францией. А старому солдафону, не видевшему ничего дальше своего носа, всё французское было словно кость в горле, зато в политике он проявил себя как послушная марионетка габсбургского двора. Единственным его достижением было объявление войны Швеции, которая в то время и так терпела поражение от России, так что это выглядело ударом ножа в спину. Впрочем, эта война велась преимущественно на бумаге, дело закончилось заключением в 1720 году мира, за что он получил в свое владение часть Померании, но не бесплатно, а заплатив за эту территорию два миллиона талеров!

Фридрих Вильгельм I «прославился» и тем, что всерьез рассчитывал вывести новую, «идеальную» человеческую породу. Главное хобби его жизни состояло в том, чтобы сформировать целую бригаду из людей громадного роста. Ради этой цели его агенты рыскали в разных странах в поисках наемников выше среднего роста. Эти поиски не были ограничены лишь одной Европой, наемников вербовали даже в Каире! Известен случай, когда агенты короля сумели найти в Лондоне одного ирландца высотой более чем семь футов! Прусский посол лично предложил ему службу в прусской гвардии с жалованьем в тысячу триста фунтов стерлингов! Это было намного больше, чем зарплата самого посла...³⁹

³⁷ Генрих фон Подевиле (1695–1760) – военный министр Пруссии с 1740 года.

³⁸ Герцог Нивернуа Луи-Жюль-Барбон герцог Манчини-Мазарини – (1716–1798 гг.), французский писатель и дипломат. Был посланником в Риме, Берлине и Лондоне. В 1787 г. стал министром в кабинете Неккера.

³⁹ Frederic the Great and his Times. Edited, with an Introduction, by Thomas Campbell. Esq. 2 vols. 8vo. London, 1842.

Даже будущий профессор М.В.Ломоносов, молодой человек высокого роста, проживавший и учившийся в это время в Германии, очень понравился вербовщику прусской армии. В мае 1740-го года русский студент немного перебрал с употреблением алкоголя и спьяну согласился служить. Проснулся он уже в военной крепости Везель в мундире солдата прусского короля. Впрочем, он вскоре оттуда благополучно бежал. Фридрих Вильгельм I обожал своих гвардейцев огромного роста, не скупился на оплату их службы и приказывал им брать в жены рослых девушек, поскольку был убежден: такие родители будут иметь сильных, хорошо сложенных детей. Когда жена одного «верзилы» в гарнизоне города Клеве родила необычно крупного ребенка, король пришел в чрезвычайное волнение и тут же повелел немедленно доставить мать и дитя во дворец в Потсдам. Ликуя, он начертал на полях приказа: «Да поскорее, пока хорошая погода!»

И ещё одно: он слыл зоологическим антисемитом. Для него было очевидным фактом, что евреи «убили Христа», а потому должны были ещё и радоваться, что их мерзкое присутствие терпят в Пруссии. Король последовательно ограничивал права евреев: на торговлю поддержанной мебелью и одеждой, а также издал декрет, запрещающий им взимать более двенадцати процентов при выдаче денег в рост. В 1728 году Фридрих Вильгельм постановил: еврейская община ежегодно будет платить 20 тысяч талеров берлинскому филиалу по набору рекрутов. Разоряя евреев, он ещё и при этом выражал свое недовольство. Так, король чрезвычайно разгневался, узнав, что еврейский меняла по имени Файт после своей смерти оставил долг в 100 тысяч талеров и взыскать их теперь не с кого. Он повелел собрать всех берлинских евреев в синагогу, где главный раввин Яблонски должен был торжественно наложить на покойного Файта проклятие. Любил он и просто поиздеваться над евреями. Например,

величайшее удовольствие Фридрих Вильгельм I испытывал, когда убитых им на охоте кабанов согласно его особому указу заставляли покупать евреев. Те, вполне естественно, громко протестовали, ссылались на религиозный завет, категорически запрещающий им употреблять в пищу не кошерное мясо, пытались отказаться. Но ничто не помогало, и им приходилось скупать кабанов, которых король истреблял в количествах не намного меньших, чем куропаток. А потом он хохотал и потирал руки, когда узнавал, как евреи дюжинами дарят купленные у него кабаньи туши госпиталям и полковым кухням... Более или менее сносно жить евреям в Пруссии стало именно при Фридрихе Великом, а при его отце не могло быть и речи ни о каких послаблениях!

8

Если же говорить об участии выходцев из Пруссии в нацистском движении, то здесь статистика наглядно показывает, что ни о какой массовой поддержке НСДАП с их стороны не было и речи. Все было как раз наоборот: «Среди нацистских старых борцов насчитывалось всего 3,4 % пруссаков, а среди командиров многочисленных дивизий «партийного воинства» нацистов – Ваффен-СС не было ни одной старой прусской фамилии»⁴⁰. Но все эти факты не интересовали нацистов, ведь Геббельс писал, что «ложь, сказанная сто раз, становится правдой», поэтому они искренне верили в то, что являются преемниками прусских традиций. Никого не интересуют эти факты и сегодня.

Хотелось бы в этой связи отметить, что в России лишь в 1997 году была переиздана книга Ф. А. Кони «Фридрих Великий», которая представляет собой несколько измененный перевод «Истории Фридриха II» Ф. Куглера⁴¹. Это издание сопровождает статья А. А. Егорова, в которой он справедливо сетует на то, что русский читатель практически ничего не знает о прусском короле. И тут же заявляет: «Фридрих Великий остается символом пруссачества в самом худшем смысле слова». Это свидетельствует лишь об одном: в современной России до сих пор оперируют в своих оценках давно устаревшими категориями и клише времен Второй мировой войны, которые мало отличаются от стряпни Министерства пропаганды Третьего рейха.

При этом имеет смысл говорить об обратной тенденции, ведь прусская военная каста и аристократия относились к наци весьма и весьма сдержанно. Да и могло ли быть по-другому, ведь нацисты пусть и в несколько измененной форме, но называли себя революционерами и социалистами. А лучший представитель пруссачества, уроженец Магдебурга, генерал-майор Хенниг фон Тресков (Henning Hermann Robert Karl von Tresckow, 1901–1944) был одним из лидеров Движения сопротивления и последовательным антифашистом.

⁴⁰ Пленков О. Ю. Третий рейх. Нацистское государство. СПб.: Нева, 2005. С. 379.

⁴¹ Профессор Франц-Теодор Куглер (Kugler, 1808–1858) – немецкий историк и поэт, автор книги „Geschichte Friedrichs des Großen“ (1840; с иллюстрациями А. Менцеля). <http://friedrich.uni-trier.de/de/kugler/text/>.

Генерал-майор Хенниг фон Тресков, герой Движения сопротивления

Вот что он написал, когда стал очевидным провал «Операции Валькирия» (то есть покушения на Гитлера и попытки государственного переворота 20 июля 1944 года, предпринятого немецкими офицерами, героями антинацистского сопротивления): «Я, как и прежде, твердо убежден, что мы действовали правильно. Я считаю Гитлера заклятым врагом не только Германии, но и всего мира. Когда через несколько часов я предстану перед судом Всевышнего, чтобы отчитаться в своих действиях и упущениях, то, полагаю, смогу с чистой совестью поведать о том, что сделал в борьбе против Гитлера. Господь однажды пообещал Аврааму, что не погубит Содом, если в городе найдутся хотя бы десять праведников, и я надеюсь, что Он ради нас не уничтожит Германию. Никто из нас не имеет права сетовать, что пришлось умереть. Тот, кто вступил в наш круг, надел отравленный хитон кентавра Несса. Нравственная ценность человека начинается только с готовности отдать жизнь за свои убеждения».

Глава II

Фридрих II – фальшивомонетчик

*Мы с моим народом пришли к соглашению: они будут говорить,
что пожелают, а я буду делать, что пожелаю.*
Фридрих Великий

1

Если продолжить сравнение Фридриха II с нацистами, которые якобы восхищались им, нельзя не отметить их диаметрально противоположного отношения к евреям. С нацистами все вполне ясно: евреи для них являлись врагами номер один. Ими был разработан и осуществлен с беспрецедентной жестокостью план «окончательного решения еврейского вопроса» – целенаправленного, тщательно спланированного геноцида и уничтожения евреев в Европе. Со Старым Фрицем все сложнее. С одной стороны, широко известно высказывание деятеля Французской революции Оноре Габриеля Рикети Мирабо (Honore Gabriel Riqueti, comte de Mirabeau, 1749–1791), после посещения Берлина в 1786 году, что законы короля в отношении евреев «достойны каннибала». Это, безусловно, преувеличение. Фридрих действительно стремился извлечь из евреев максимальную пользу, но так он относился абсолютно ко всем! Жизнь прусских евреев была организована согласно постановлениям регламента от 1756 года (General-Privilegium und Reglement vor die Judenschaft in Preussen etc.). Согласно этому регламенту и позднейшим поправкам евреи разделялись на два разряда: «терпимых евреев» („Geduldete Juden“) и «покровительствуемых евреев» („Schutzjuden“). Историк и писатель Джонатан Стейнберг в книге «Бисмарк: Биография» обрушивается на короля с резкой критикой его политики по отношению к евреям. При этом он рисует исчерпывающую картину жизни евреев в Европе, не понимая, что опровергает сам себя – ведь в других странах положение евреев было просто невыносимым! Воспользуюсь его информацией, поскольку он весьма точно конкретизирует General-Privilegium und Reglement vor die Judenschaft in Preussen etc. «Покровительствуемые, в свою очередь, делились на три группы, по степени предоставленных им личных прав:

1) «Общепривилегированные» (Generalprivilegierte) пользовались правами жительства и промыслов на основании королевской привилегии, распространявшейся на всех членов их семьи и на все места, где евреям жительство позволялось. 2) «Ординарные» (ordentliche Schutzjuden) жили на основании охранной грамоты (Schutzbrief), где точно указывалось, в каком месте им разрешается проживать, какими промыслами заниматься, на каких членов семьи распространяется это разрешение; «ординарные» могли передавать свои права только одному из своих детей, а по особому ходатайству двум, при условии обладания солидным капиталом; прочим детям право торговли не давалось. 3) «Экстраординарные» (ausserordentliche Schutzjuden) пользовались лично пожизненным правом жить в определенном месте и заниматься определенной профессией, но это право не передавалось их детям; к этой группе причислялись врачи, живописцы и прочие лица свободных профессий. К разряду «терпимых евреев» причислялись: лица, состоящие на общинной службе (раввины, канторы, шохеты и пр.), дети «ординарных» сверх старших двух, все дети «экстраординарных» евреев, домашние слуги и др.; им запрещалось в различных степенях заниматься торговлей и ремеслами и заключать браки между собой (они могли только путем брака вступать в семьи «привилегированных» евреев)».

В Силезии⁴² и Западной Пруссии евреям, например, было запрещено жить в деревнях и заниматься сельским хозяйством. С другой стороны, широко поощрялись и даже вменялись в обязанность чулочное и шляпное производство, шелковая промышленность. Особые привилегии жаловались евреям, открывавшим шелковые мануфактуры. Зато жестоко преследовалась ссудная деятельность евреев. Существовало много налогов: помимо „Schutzgeld’a”, вносимого ежегодно в размере 24 тысяч талеров, евреи платили рекрутскую подать, «серебряную подать», «брачный налог», фарфоровый налог... Во время Семилетней войны король неоднократно делал займы у евреев.

Понятно, что ни о каком равноправии евреев с немцами Пруссии говорить не приходится, но если сравнить их положение с положением евреев в прочих странах, то Пруссия предстает прямо-таки лучом света в темном царстве. Ведь даже императрица Мария Терезия, инициировавшая множество реформ в Австрии, указом от 18 декабря 1744 года приказала всем евреям до конца января 1745 года покинуть Прагу, а в шестимесячный срок – всю Богемию. Эта королева, которую почитают как великую, не постеснялась запятнать свое имя ничем не оправданной жестокостью, она вошла в историю как последняя в Европе гонительница евреев. Впрочем, она лишь копировала императрицу Елизавету Петровну, которая уже в 1743 году изгнала евреев из России, издав такой указ: «...Из всей нашей империи, из городов, сел и деревень всех мужеского и женского пола жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их именем, немедленно выслать за границу и впредь их ни под каким видом в нашу Империю ни для чего не впускать, разве кто из них захочет быть в христианской вере греческого исповедания».

Позволю себе процитировать все того же критика Фридриха Великого Джонатана Стейнберга: «Эдикт о евреях» (*Editto sopra gli Ebrei*), обнародованный папой Пием VI в 1775 году, принадлежит к числу самых бесчеловечных актов в истории человечества».

О положении и статусе евреев в прочих странах и говорить не приходится: они веками продолжали влачить жалкое существование в стенах еврейских гетто.

Еще великий курфюрст Бранденбурга и Пруссии Фридрих Вильгельм (*Friedrich Wilhelm von Brandenburg*, 1620–1688) широко открыл ворота страны для гонимых у себя на родине кальвинистов-французов, а также голландцев и евреев. Это спасло множество человеческих жизней после того, как король Людовик XIV 2 апреля 1666 года издал декларацию, в которой уничтожался принцип свободы, признанный Нантским эдиктом⁴³, а 18 октября 1685 года полностью отменил этот документ, защищавший права протестантов, после чего начались гонения на несчастных. Сотни тысяч людей были вынуждены бежать, их имущество конфисковалось, храмы и школы безжалостно разрушались. (Надо сказать, что и при Фридрихе Вильгельме I Пруссия продолжила принимать протестантов, в одном только в 1732 году в Пруссию прибыло около 15 тысяч переселенцев из Зальцбурга! Их поселили основной массой в Гумбиннене, до сих пор словно памятник там стоит церковь под названием «Зальцбургская кирха».)

В Берлине образовалась еврейская община, которая впоследствии сделалась одной из крупнейших в Германии.

⁴² Силезия – историческая область в Центральной Европе, большая часть входит в состав Польши, меньшие находятся в Чехии и Германии.

⁴³ Нантский эдикт (*l'édit de Nantes*) – закон, даровавший французским протестантам-гугенотам вероисповедные права.

Фрагмент Свитка Эстер из Германии, начала 18 века, выставлен в Музее Израиля. Художник изобразил героев свитка в одежде своего времени: дам в париках и кавалеров со шпагами, а также музыкантов со скрипками и контрабасом.

2

Нацистский режим в полном соответствии с указаниями своего фюрера последовательно проводил политику полного искоренения христианства. Гиммлер, Розенберг и Борман стремились заменить церковь смесью дохристианской религии германских племен в сочетании с неоязычеством нацистского образца. Розенбергом – откровенным идеологом язычества. Уполномоченный фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП (Beauftragen des Führers für die Überwachung der gesamten geistigen und weltanschaulichen Schulung und Erziehung der NSDAP) Альфред Эрнст Розенберг составил программу из тридцати пунктов для своего уродливого детища – «национальной церкви рейха».

Позволю себе привести в качестве примера лишь два пункта из этой «замечательной» программы:

§ 13. «Национальная церковь требует немедленно прекратить издание и распространение в стране Библии».

§ 14. «Национальная церковь заявляет... немецкой нации, что «Майн кампф» есть величайший документ. Эта книга... олицетворяет самую чистую и самую истинную этику жизни нашей нации в настоящее время и в будущем...»

Согласно планам коричневых неоязычников, со всех церквей должны были снять кресты и заменить их свастикой. Что ожидало всех недовольных, понятно.

Религиозная политика Фридриха II была проста и прагматична: **«Все религии равны и хороши, если их приверженцы являются честными людьми. И если бы турки и язычники прибыли и захотели жить в нашей стране, мы бы и им построили мечети и молельни...»** и **«У меня пусть всяк спасается на свой манер»** (имеется в виду спасение души).

Фридрих Великий не был ни атеистом, ни религиозным фанатиком, он позволял себе быть агностиком, а иногда и относился ко всему этому с юмором. „**Es heißt, dass wir Könige auf Erden die Ebenbilder Gottes seien. Ich habe mich daraufhin im Spiegel betrachtet. Sehr schmeichelhaft für den lieben Gott ist das nicht**” («Говорят, что земные короли созданы по подобию Божию. Когда же я рассматриваю себя в зеркало, то это не очень льстит Всевышнему»).

Он весьма критично относился к религии. „**Daß unsere heutigen Religionen der Religion Christi so wenig gleichen wie der der Irokesen. Jesus war ein Jude, und wir verbrennen Juden. Jesus predigte Duldung, und wir verfolgen. Jesus predigte eine gute Sittenlehre, und wir üben sie nicht aus. Jesus hat keine Dogmen aufgestellt, die Konzile aber haben reichlich dafür gesorgt. Kurz, ein Christ des 3. Jahrhunderts ist einem Christen des 1. gar nicht mehr ähnlich**”.

(«Наша нынешняя религия равняется религии Христа в столь же малой степени, как мало мы походим на ирокезов. Иисус был евреем, а мы сжигаем евреев. Иисус проповедовал терпимость, а мы преследуем. Иисус проповедовал этику добра, а мы не следуем ей. Иисус не устанавливал догм, однако церковные соборы достаточно позаботились об этом. Словом, христианин третьего столетия ничуть не похож на христианина первого»).

Ярким примером веротерпимости короля являлся его указ построить в самом центре протестантского Берлина католический собор святой Ядвиги в 1747 году.

Он писал кардиналу Зинцендорфу: „**Die erste Tugend jedes ehrenwerten Menschen und, wie ich glaube, auch jedes Christen, muß die Humanität sein. Die Stimme der Natur, die die Grundlage der Humanität ist, will, daß wir uns alle lieben und wechselseitig unser Wohlergehen fördern. Das ist meine Religion**”.

(«Первой добродетелью каждого достойного уважения человека и, как я верю, также каждого христианина должна быть гуманность. Голос природы, который является основой гуманности, хочет, чтобы мы все любили друг друга и взаимно содействовали нашему благополучию. Это моя религия»).

3

Не стоит забывать и того, что благодаря либеральной политике короля в Пруссии обособилось немало по-настоящему талантливых людей, чей потенциал не был по достоинству оценен на родине. Например, в Берлин переселился Моше Мендельсон (Mendelssohn Moses, 1729–1786), потомок знаменитого раввина Моше Иссерлеса⁴⁴, самый известный немецкий философ еврейского происхождения тех лет и идейный лидер движения Просвещения среди европейских евреев.

⁴⁴ Моше Иссерлес (1520–1572) – польский раввин, правовед и философ.

Моше Мендельсон

Он был первым германским евреем, овладевшим немецким языком до такого совершенства, что сумел стать настоящим мастером популярной философской прозы, рассматривая сложнейшие вопросы существования Бога и бессмертия души, а также и эстетики. Гордый человек, он не позволял антисемитам бездоказательно клеветать на евреев. «Нас не только ненавидят и презирают, – писал Мендельсон, – но возводят еще на нас ложные обвинения и клевету, чтобы этим оправдать жестокие преследования... Но не посягайте на то, в чем мы неустанно черпали силы и утешение в наших тяжелых испытаниях – моральную нашу чистоту и духовную мощь...»

Он был выдающимся литератором и критиком. Он понимал необходимость реформирования патриархального уклада жизни среди евреев, но при этом строго придерживался всех канонов иудаизма. Постоянное давление на евреев с целью заставить их принять христианство вызывало у Мендельсона грусть. В христианстве Мендельсона отталкивали догмы Церкви о Божественной природе Иисуса, утверждение о том, что люди, не принявшие

христианство, не имеют надежды на спасение в Грядущем мире, а также вера в существование восставшего против Бога Люцифера.

Мендельсон писал, что преимущество иудаизма в том, что он не гоняется за прозелитами и не задается миссионерскими целями, «...и если бы среди моих современников жил Конфуций или Солон, я согласно основам своей религии мог бы любить и уважать этого великого человека, не задаваясь глупой затеей обратить его в свою веру».

Его другом был Готтольд Эфраим Лессинг (Gotthold Ephraim Lessing, 1729–1781), знаменитый немецкий писатель и драматург, автор комедии «Минна фон Барнгельм, или Солдатское счастье». С 1759 года они вместе издавали в Берлине журнал „Briefe, die neueste Litteratur betreffend” («Письма о новейшей литературе»), а также написали памфлет «Поуп-метафизик», направленный против английского поэта Поупа и в защиту философских воззрений Лейбница.

Настоящее потрясение в обществе вызвала написанная в 1760 году статья Мендельсона, опубликованная в их с Лессингом журнале, в которой он подвергнул критике стихи Фридриха Великого. Интересно, что если Вольтер критиковал стихи короля за плохой французский язык, то Мендельсон возмущался тем, что они вообще в принципе были написаны по-французски. Мол, немецкая литература несравненно лучше французской. Все были уверены, что это вызовет гнев короля, однако никакой реакции не последовало. Вероятно, Фридрих справедливо рассудил, что будет глупым вступать в дискуссию с человеком, который не владеет французским языком, но при этом пытается критиковать французскую литературу. Более того, спустя три года король наделил Мендельсона привилегией „Schutzjude”, что наделило его особыми правами и возможностью на законных основаниях проживать в Берлине. А в 1763 году он получил от Берлинской академии первую премию за сочинение „Ueber die Evidenz in metaphysischen Wissenschaften”, причем вторым в списке лауреатов был Иммануил Кант!

Особо важную роль в деле приобщения евреев к немецкому языку и германской культуре сыграл сделанный Мендельсоном перевод Пятикнижия (Торы) на немецкий язык. В 1783 году Мендельсон выпустил книгу «Иерусалим, или О религиозности и еврействе», в которой решительно высказался в пользу разграничения сфер влияния государства и религии: государство не должно вмешиваться в религиозные взгляды своих граждан, а религиозным деятелям незачем стремиться к власти. Государство требует от людей определенных действий, религия же – дело внутреннего убеждения, и смешивать эти две сферы нет необходимости.

Судьба Мендельсона в чем-то похожа на судьбу короля. Свои идеи он изложил на бумаге, живя при просвещенном короле, в созданном им государстве толерантности. Он стремился к тому, чтобы евреи стали интегральной частью прусского общества, оставаясь при этом в рамках иудаизма. По его убеждению, девизом государства должна быть веротерпимость, свобода совести и мысли, а различие веры не должно служить препятствием к использованию гражданских прав. Он холодно встретил „Toleranzedikt” австрийского императора Иосифа II и распоряжение об учреждении еврейских школ (Normalschulen). Он писал Гомбергу: «Благодарю покорно за такую толерантность „wenn man dabei noch immer an Glaubensvereinigung arbeitet”. О терпимости... я вовсе не такого лестного мнения, как вы. Пока из-за кулис выглядывают замаскированные ассимиляционные цели (Vereinigungssystem im Hinterhalte lauert), я считаю подобную лицемерную игру в толерантность гораздо более опасной, чем открытое преследование...» В исторической перспективе он оказался безусловно прав: тотальная ассимиляция немецких евреев привела лишь к озлоблению, появлению человеконенавистнических расовых доктрин и в конечном итоге – к Холокосту...

Положение кардинально изменилось сразу после его смерти – революция, бесконечные войны, наполеоновская экспансия, индустриальная революция и новые радикальные доктрины о социальных переменах. Все это привело к тому, что евреи Европы неверно интерпретировали его идеи. Например, из всех его внуков один только Александр остался евреем, соблюдающим еврейские традиции. Все остальные перешли в христианство. Самый знаменитый его потомок, немецкий композитор, автор «Свадебного марша» Феликс Мендельсон, стал лютеранином и сменил фамилию на Бартольди.

Моше Мендельсона стали именовать отцом реформизма и могильщиком традиционного иудаизма. Он хотел положить конец предрассудкам и антагонизму, а получилось, что он лишь подлил масла в огонь, его идеи вызвали раскол в еврейской среде и породили еще больший антагонизм по отношению к евреям со стороны немцев. Великий немецкий композитор Рихард Вагнер, например, видел опасность для Германии именно в том, что евреи ставили своей целью влиться в немецкую культуру! Позднее он окончательно скатился на позиции животного антисемитизма, утверждая, что евреи загрязняют и засоряют немецкую нацию. То есть, чем сильнее они старались быть немцами, тем больше Вагнер видел в них опасность для своей родины. Случилось именно то, чего опасался Мендельсон. Как это могло произойти? Очень просто. Мендельсон жил и работал в стране, властителем которой писал (Вольтеру): „**Der menschliche Geist ist schwach. Mehr als drei Viertel der Menschen sind für die Sklaverei des absurdesten Fanatismus geboren. Die Furcht vor dem Teufel und vor der Hölle macht sie blind, und sie verwünschen den Weisen, der sie aufklären will. Der große Haufe unseres Geschlechts ist dumm und boshaft. Vergebens suche ich in ihm jenes Ebenbild Gottes, von dem es nach der Versicherung der Theologen den Abdruck in sich tragen soll**”.

(«Человеческий дух слаб. Более чем три четверти людей рождены быть рабами самого абсурдного фанатизма. Страх перед чертом и перед адом делает их слепыми, и они проклинают способом, который хочет выяснять их. Большая куча нашего рода глупа и злобна. Напрасно я ищу в нем (в роде человеческого) ту копию Бога, чей отпечаток он должен нести в себе, как утверждают теологи»).

Со смертью короля-философа, который намного опередил свое время, Пруссия стала уже совсем иным государством и идеи еврейского философа, также опередившего свое время, сразу утратили свою актуальность. Французская революция, наполеоновские войны и реакция поставили на мечтах еврейского философа жирную точку.

4

В отношении евреев прагматик Фридрих II пошел гораздо дальше своих предшественников на троне: он не просто милостиво позволил им жить и работать в своем веротерпимом государстве, но и активно использовал их таланты в борьбе против своих противников. Во время Семилетней войны именно евреи были главными поставщиками прусской армии. Король также поощрял евреев открывать новые фабрики и заводы и предоставлял им за это различные льготы. Самым известным из прусских евреев, которые пользовались полным доверием короля, был некто Эфраим, торговец и банкир, который ссужал Фридриха II деньгами еще в те времена, когда тот был только наследным принцем. Еще до начала Семилетней войны король заключил контракт с тремя еврейскими чеканщиками монет: Гумперцем, Моисеем Исааком и Итцигом⁴⁵ о выпуске мелкой разменной монеты. Однако война стала затяжной, что привело к чрезвычайному напряжению экономики страны. Тогда король вспомнил о своем верном Эфраиме, который получил монополию на чеканку прусской и сак-

⁴⁵ За услуги, оказанные двору, Итциг первым из проживавших в Пруссии евреев официально получил подданство королевства.

сонской монеты и одновременно сделался помощником короля в тайной войне: мошеннической манипуляции с чеканкой низкопробных монет, которую он, по всей видимости, считал вполне легитимной. Королева Мария Терезия говорила, что готова продать последнюю юбку, лишь бы вернуть обратно Силезию. А императрица Елизавета Петровна была готова продать последнюю горсть бриллиантов, лишь бы уничтожить Фридриха II. При таком положении вещей Фридрих II с чистой совестью приступил к борьбе со своими противниками и в сфере чеканки монет.

A la guerre comme à la guerre! Прусский король развил фальшивомонетничество на уровне государства до огромных размеров и придал ему международный размах. Семилетняя война стала временем расцвета незаконной чеканки так называемых «военных денег» Фридриха II. С этой целью монетные дворы сдавались им в аренду, или же государство в союзе с немецкими князьями само занималось переплавкой высокопробных денег и чеканкой низкопробных монет. Наиболее известной фальшивой золотой монетой прусского короля стал средний августодор, который во время Семилетней войны чеканился саксонскими штемпелями с датами 1755 и 1756 годов; чистый вес содержащегося в нем золота был снижен с 6 до 4,2 грамма. Ориентируясь на предвоенную дату изготовления августодоров, купцы, снабжавшие прусскую армию, брали их без колебаний. Современные исследователи предполагают, что этих монет было отчеканено на многие миллионы.

Только за период Семилетней войны Фридрихом II на монетных дворах, находящихся в Пруссии и за ее пределами, было изготовлено огромное количество разнообразных фальшивых монет. В обращение стран Европы поступило более 200 миллионов поддельных рейхс-талеров, причем прямые военные издержки самого прусского короля составили всего около 125 миллионов. Бесконтрольная эмиссия и массовая порча монеты Фридрихом II вызвала почти полное разрушение финансовой системы на севере Европы, что позволило Пруссии выдержать Семилетнюю войну и разорить многих соседей⁴⁶. Сын Эфраима, Бенджамин Фейтель Эфраим, стал тайным советником Прусского королевства. Касаясь вопроса чеканки низкопробных монет, он писал: «Привязанность большого человека (то есть короля – М. Б.) чеканить в уменьшенном виде чужие монеты восходит еще к Семилетней войне. Эта страсть не покидала его, так как тем самым король находил не только необходимые для ведения войн средства, но и скрытым образом взимал контрибуцию со своих соседей».

Но одной вещи сын Эфраима знать не мог: страхуя себя, король никогда не ограничивался чем-то одним. В своей тайной войне он пользовался не только услугами Эфраима и прочих евреев, чеканящих монеты. Вот отрывок из его предписания от 11 ноября 1760 года тайному военному советнику Фридриху Готтхольду Коппену касательно золота, полученного от союзной Англии: **«Я располагаю информацией, что существует способ рафинирования меди, при котором обработанная рафинированная медь может идти вместе с золотом для чеканки монет, внутренняя ценность которых значительно выше, чем стоимость монет, сделанных из обычной меди. Если сейчас дополненные плохой медью отчеканенные деньги с монет с изображением Фридриха (они должны быть золотыми) по своей ценности примерно соответствуют 2 талерам 12 грошам, то использование рафинированной меди повышает стоимость до 4 талеров... Так как это может дать значительную прибыль и увеличить доходы от чеканки монет, я пришел к решению, что все золото, субсидированное англичанами и пока не превращенное в монеты, должно быть использовано в соответствии с этим способом на монетном дворе в Берлине. Все должно оставаться в моей собственности, чтобы никакие еврей-монетчики не имели**

⁴⁶ Николай Глоба, Сергей Невский. Фальшивомонетничество как средство ведения войны. <http://bujet.ru/article/28042.php>.

с этим ничего общего и не могли отчеканить ни одной монеты из оставшегося английского золота».

Ущерб, нанесенный противникам таким оригинальным способом, был колоссальным. Немецкий писатель и историк барон Архенгольц (Johann Wilhelm von Archenholz, 1743–1812) писал: «Вся Северная Германия была наводнена ими; величайшие торговые города владели миллионами этих чудесных денег, которые, нисколько не изменяя своей величины, формы и чеканки, становились все хуже по стоимости и обманывали кажущимся богатством владельца больших сумм. Даже голландцы были снабжены ими в избытке и воображали, что после окончания войны им удастся очень дешево покупать прусское дерево и зерно. Все сырые и обработанные продукты и вообще все предметы в торговле повысились по цене в Париже соразмерно этой плохой монете. Одни лишь продукты первой необходимости не очень вздорожали, так как иначе простой солдат не в состоянии был бы прокормить себя. В память этого прусского монетного духа, являвшегося в стольких местах и менявшего свою внешность подобно призраку, голландцы отчеканили особую сатирическую медаль, изображавшую Фридриха, занятого беседой с Эфраимом, которого король треплет по щеке. Надпись на ней гласила: „Это мой милый сын, которого я облюбовал себе“»⁴⁷.

Особенно жестоко пострадала Россия: годовой дефицит достигал 7 миллионов рублей, не было уплачено 13 миллионов рублей за военные поставки, а из обращавшихся в стране 60 миллионов рублей были двенадцати разных весов – серебряные от 82-й пробы (довоенные) до 63-й и медные от 40 рублей до 32 в пуде. Но это произошло не столько по вине Фридриха, сколько в силу привычки русских вельмож решать финансовые проблемы за счет ограбления собственного народа. Уже в 1757 году русское правительство обнаружило полное истощение своих наличных средств. Выход из кризиса предложил фаворит Шувалов: он велел начеканить множество мелкой медной монеты весом вдвое легче имеющей хождение в стране. Естественно, что в стране рабов никто не посмел выразить свое возмущение этим решением, так что на этой афере казна выиграла три с половиной миллиона рублей. Обкраденным российским подданным при этом цинично заявили, что новую монету возить будет вдвое легче!

Монеты времен Семилетней войны получили название «эфраимиты», о них даже слагли стихи: «Прекрасны снаружи, ужасны внутри, – Фридрих снаружи, Эфраим внутри». До наших времен дошел дворец Эфраима⁴⁸, выполненный в стиле немецкого рококо, расположенный рядом со знаменитым кварталом Николая в берлинском районе Митте (MITTE) на Постштрассе и по праву считающийся красивейшим историческим сооружением. Властители Европы нередко пользовались услугами евреев в сомнительных целях, для того чтобы в случае чего можно было переложить на них всю ответственность. Фридрих II считал себя выше народного недовольства. Потому он не только не наказал Эфраима, а, напротив, щедро его наградил, с легкостью приняв всю ответственность на себя.

⁴⁷ Архенгольц И. В. фон. История Семилетней войны (Geschichte des siebenjährigen krieges in Deutschland von 1756 bis 1763). С. 334–335.

⁴⁸ В 1987 году дворец Эфраима был полностью восстановлен архитектором Францем Клингером в оригинальном облике. Сейчас дворец служит филиалом Бранденбургского музея. В здании размещаются сменные выставки, посвященные истории культуры и искусства Берлина.

Глава III

Отец и сын

*Старый Фриц, слезай с коня и правь снова Пруссией.
Слова песни, сложенной в год возведения памятника Фридриху
Великому в Берлине*

1

Пожалуй, в мировой истории можно сосчитать по пальцам фигуры такого масштаба, которые так поражали бы не только своими великими деяниями, но и загадочностью для потомков. Истоки этой загадочности, на мой взгляд, берут свое начало в ужасном отношении к нему со стороны отца в юности. Фридрих Вильгельм I был болен порфирией, это заболевание доставляло ему не только физические страдания, но и вызывало вспышки безудержного гнева. О себе он говорил так: «Я злой человек. Я очень вспыльчивый. Огонь разгорается во мне за один миг. Раньше, чем я это почувствую. Но мне сразу становится жаль...», «я старый человеческий мучитель...»⁴⁹ Отдыхал от приступов ярости он в кругу своих генералов и ближайших сановников, устраивая попойки. Собrania эти назывались «табачный коллегийум», поскольку на них каждый из собравшихся выкуривал по 20–30 трубок за вечер! Самую яркую характеристику его деятельности дал Вольтер: «...в сравнении с деспотизмом, проявляемым Фридрихом Вильгельмом I, Турция могла сойти за республику»⁵⁰. Из-за его невероятной скупости голодала даже королевская семья! Этот «солдатский король» (Soldatenkoenig) хотел, чтобы и его наследник во всём походил на него.

«Подъем в 7 утра. Молитва на коленях у кровати громко, чтобы было слышно по всей комнате, следующими словами: «Господи Боже, благодарю Тебя от всей души за то, что дал мне невредимым пережить эту ночь. Направь меня так, как пожелает Твоя святая воля, и обереги меня в этот день и во все дни моей жизни от того, что может удалить меня от Тебя. Аминь». После этой молитвы читать «Отче наш». Затем живо и с усердием вымыться, одеться, напудриться, причесаться, позавтракать. Молитву, мытье, завтрак и прочее завершить строго к 7.15 утра» (первые пятнадцать минут «воскресного легкого дня» из расписания, составленного Фридрихом Вильгельмом I для сына).

При этом его первой гувернанткой была француженка, мадемуазель де Рокуль, которая вообще не говорила по-немецки, затем ее сменил учитель Жак-Дюан де Жанден⁵¹ – француз протестантского вероисповедания!

Очевидно, даже Оливер Твист был более счастлив по сравнению с этим наследником престола! Уже состарившись, Фридрих II рассказывал такие истории о своем детстве: король Фридрих Вильгельм I врывается в комнату, где он с учителем занят латинским уроком, и начинает избивать учителя, затем вытаскивает ребенка из-под стола, где тот спрятался, дрожа от страха, и принимается за него. Вся их вина заключается в изучении латыни: король запретил преподавание латыни наследнику, считая это бесполезной тратой времени. Логика простая: умение пользоваться мушкетом – это полезное и практичное занятие, а изучение

⁴⁹ Mittenzwei, Ingrid: Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie, Deutscher Verlag der Wissenschaften, Berlin, 1987.

⁵⁰ Вольтер Ф. М. Памятные записки // Собр. соч.: В 3 т. М.: Литература, 1998.

⁵¹ Жак-Дюан де Жанден (1685–1746) – воспитатель Фридриха Великого, пастор-гугенот, чей отец служил у великого курфюрста и могущественного виконта де Тюренна. Де Жанден попал в опалу и покинул прусский двор по приказу Фридриха Вильгельма I.

латыни нет. С раннего детства отец жестоко избивал принца, внушая свою правду: монарху важно «иметь хорошее войско и много денег, ибо в них и слава, и безопасность государя».

«Регулярные побои начались, когда Фридриху было 12, и осуществлялись в назначенные дни, а также спонтанно. Он был бит за перчатки, надетые в холодный день, за то, что за обедом выбрал серебряную, а не стальную вилку, за то, что читал, спрятавшись в кустах во время охоты. Отец бил его ногами в присутствии слуг, офицеров и дипломатов. Однажды во время парада он швырнул Фридриха на землю и проволоком за волосы перед строем солдат. Закончив избиение, король сплюнул и сказал: «Если бы мой отец проделал такое со мной, я бы вышиб ему мозги. А этот... ни ума, ни чести».

Представим: принц достиг двенадцатилетнего возраста, по существу к этому времени он уже начал формироваться как личность, более того, вступил в трудный переходный возраст. И как раз в это время король-отец решает наконец научить его, наследника прусского престола, уму-разуму посредством неслыханных унижений и побоев ногами и руками, причем делает это публично! Юный принц не выносит массового уничтожения куропаток? Прочитать его за это палкой! Несомненно, тем самым Фридрих Вильгельм I лишь искалечил психику юного принца.

Альфред Адлер, знаменитый австрийский психолог, считал, что изначально большинству детей присуще ощущение собственной неполноценности по сравнению с «всемогущими взрослыми», что зачастую ведет к формированию у них комплекса неполноценности. Но это у обычных детей, а что же в таком случае можно сказать о ребенке, которому с самого рождения внушалась мысль об его избранности и исключительности, наследнике королевского престола, который при этом подвергался постоянным унижениям и побоям со стороны своего венценосного отца? Вспомним, что такое абсолютная монархия. Это такая форма правления, при которой монарх не ограничен конституцией и единодержавно осуществляет исполнительную и судебную власть, нередко сочетая это с высшим рангом в религиозной иерархии страны. И вот этого Божьего избранника жестоко истязает собственный отец. Агностиком Фридрих стал позднее, а в то время он должен был невероятно страдать. Думаю, именно в этом заключается суть проблемы.

Молодой принц «...любил играть на флейте – занятие, вызывавшее в его отце наибольшее презрение. Поздними вечерами Фридрих с сестрой тайно собирались у матери, надевали французское платье, взбивали и закручивали волосы на французский манер и играли дуэтом... Однажды их обнаружил отец. Больше чем флейту, отец-король ненавидел все французское... приказывал одевать смертников перед эшафотом по французской моде...»⁵²

Тирания отца не оставляла его даже во сне! «Он продолжал устраивать вечерние концерты, но все больше времени посвящал работе. Отец часто приходил к нему во сне вместе с Вильгельминой. Каждый раз он брал Фридриха под арест и связывал его руки за спиной. «За что?» – спрашивал Фридрих Вильгельмину. «За то, что ты недостаточно любил папочку», – отвечала сестра. И Фридрих работал всё больше и больше, вставал в четыре утра, ложился за полночь...»⁵³

Убежище от тирана-отца принц находил в книгах, изучении языков, философии и в искусстве. Но это вызывало только еще большее негодование отца.

Неудивительно, что в скором времени Фридрих сломался. Выдержка из одного его письма матери: **«Я доведен до самого отчаянного положения, король совершенно позабыл, что я его сын; он обращается со мной как с человеком самого низкого звания. Когда я сегодня вошел в его комнату, он бросился на меня и бил меня палкой, пока сам не выбился из сил. Чувство личного достоинства не позволяет мне далее выносить**

⁵² James R. Gaines, Evening in the Palace of Reason.

⁵³ Там же.

такое обхождение; я доведен до крайности и поэтому решил так или иначе положить этому конец».

В 1725 году, в четырнадцать лет, он, согласно желанию отца, получил первое офицерское звание. С тех пор требования к нему со стороны отца стали совершенно невероятными, он должен был все время проводить в войсках. А с 1728 года, то есть после поездки в Дрезден, началась настоящая травля сына со стороны отца. Почему? Дело в том, что накануне поездки король присвоил Фридриху звание подполковника и поставил командовать полком. Вместо ожидаемого от него королем воинского рвения и интереса к военной организации Саксонии молодой принц в Дрездене был поражен блеском двора короля Августа II. В Дрездене Фридриха чествовали согласно его высокому положению. Там у него произошло свидание не с саксонскими генералами, а с графиней Анной Оржельской, побочной дочерью Августа II, ставшей его первой и неудачной любовью. Кроме того, дворцы Августа были полны картин и произведений искусства, музыканты играли прекрасную музыку, а не браурные марши, как в Берлине. Все время в Дрездене был праздник – балеты, костюмированные балы, словно в Венеции. Пораженный принц Фридрих впервые увидел оперу и услышал виртуозную игру И. И. Кванца (позднее музыкант станет его учителем игры на флейте и придворным композитором на целых 32 года)!

Canaletto – View of the Neumarkt in Dresden from the Jüdenhofe

Поездка в Дрезден раскрыла перед молодым принцем новые горизонты, и он с юношеским максимализмом принялся искать способы изменить свою жизнь и выйти из-под гнетущего контроля короля-отца. Самым простым выходом из положения ему показалось предложение матери: жениться и уехать из страны. Дело в том, что королева София Доротея хотела, чтобы ее старшая дочь Вильгельмина сочеталась узами брака с английским королевским домом – обручилась с племянником королевы и наследником английского престола Фридрихом (сыном принца Уэльского, будущего короля Георга II). Этот ее план получил название сначала «английский марьяж». Но затем он превратился в «двойной марьяж», поскольку наметилась возможность помолвки Фридриха с английской принцессой Амелией (второй дочерью будущего Георга II).

В 1727 году сложились предпосылки для реализации этого плана, поскольку умер король Англии Георг I. София Доротея тут же (с согласия супруга, естественно) вступила в

активную переписку с новой королевой Англии, женой своего брата Вильгельминой Шарлоттой Каролиной Бранденбург-Ансбахской. Дело шло медленно, в Лондоне слишком рассматривали все плюсы и минусы. София Доротея же была полна энтузиазма. А вот ее муж, который поначалу поддерживал этот план, вдруг осознал, что в Австрии от такого сближения Пруссии с Англией будут не в восторге. Интересы у Фридриха Вильгельма I были небольшие – он

Портрет принцессы Амелии, Ван Лоо

хотел присоединить к Пруссии земли Берг и Юлих, а для этого ему нужна была поддержка Священной Римской империи (то есть Австрии). Если поначалу он не видел в «двойном марьяже» ничего для себя дурного, то все изменилось после вмешательства графа Грумбкова⁵⁴, его самого доверенного министра. Грумбков прямо высказал ему, что австрийский посол в Пруссии с 1726 года генерал барон фон Секендорф⁵⁵ получил указания довести до сведения короля недовольство императора Священной Римской империи Карла VI. Секендорф был боевым генералом и за доблесть получил даже от коронованного скряги Фридриха Вильгельма I в подарок шпагу, усыпанную бриллиантами, его слово имело огромный вес. Фридрих Вильгельм I понял: если такой человек передает ему через доверенного министра мнение императора Карла VI, то тогда действительно нужно все отменить. Прусский король всю жизнь пресмыкался перед венским двором, поэтому даже после небольшого намека сразу же струсил и сдался. Хотя все было вовсе не так уж однозначно: Грумбков, как и Секендорф, получал деньги от императора, поэтому его личные интересы зачастую шли вразрез с интересами короля и Пруссии. Однако всем своим домочадцам Фридрих Вильгельм I устроил спектакль, чтобы показать свою мнимую силу и проявить грозный характер, – потребовал, чтобы София Доротея написала письмо брату Георгу II и потребовала дать четкий ответ относительно «двойного марьяжа», чтобы можно было свалить свой отказ на него. София Доротея подчинилась мужу и осенью 1728 года отправила послание брату. В

⁵⁴ Фридрих Вильгельм фон Грумбков (Friedrich Wilhelm von Grumbkow; 4 октября 1678, Берлин – 18 марта 1739, там же) – прусский генерал-фельдмаршал и государственный деятель.

⁵⁵ Барон Фридрих Генрих фон Секендорф (1673–1763) – германский фельдмаршал и дипломат.

конце декабря пришел ответ из Лондона, который Фридрих Вильгельм I назвал уклончивым, долгие месяцы ворчал и орал на всех домашних, а затем сделал вид, что потерял терпение, и **приказал** жене отправить в Британию ультиматум и поставить вопрос ребром – да или нет? На этот раз в Англии заволновались из-за повышенного тона послания и немедленно направили в Пруссию посланника, сэра Чарльза Хотэма, имевшего все необходимые полномочия и которому было указано способствовать «двойному марьяжу», а заодно попытаться уговорить Фридриха Вильгельма I вернуться в Ганноверскую лигу. Во время аудиенции Хотэма Фридрих Вильгельм I вдруг выпалил, что принц Фридрих слишком молод для того, чтобы жениться. Хотэму лишь оставалось повторить полученные от своего короля указания: два брака, а не один. Фридрих Вильгельм I оставил посланника в неведении. Хотэм попытался все же добиться согласия короля и после нескольких неудачных аудиенций заявил – хорошо, пусть принц Фридрих сейчас еще слишком молод. Но ведь можно уладить дело таким образом – обручить уже сейчас принца Уэльского и Вильгельмину, а в отношении принцессы Амелии и принца Фридриха установить отсроченную на несколько лет дату женитьбы! Это было в высшей степени разумно, но Фридрих Вильгельм I устроил отвратительную сцену и громогласно заявил, что к нему, мол, проявляют неуважение! Он, дескать, не проситель, а король! Раньше, когда он якобы на все был согласен, то из Лондона шли лишь уклончивые ответы. А теперь на него смеют оказывать давление! Не бывать же тому!

Хотэм вынул козырь, припасенный на крайний случай: предъявил королю во время последней аудиенции выкраденное письмо, в котором вскрывались интриги Грумбкова как платного австрийского агента. Это не принесло никакой пользы. Напротив, Фридрих Вильгельм I грубо выставил английского посланника из дворца, посылая ему вослед язвительные замечания. 12 июля 1730 года Хотэм, потерпев полное фиаско в своей миссии, уехал из Пруссии.

Ирония судьбы заключается в том, что спустя несколько лет в Вене изменили свое мнение и решили, что Фридриху неплохо было бы жениться на Амелии Английской. Но когда Секендорф высказал это мнение королю, тот в это, **по-видимому, не поверил!**

Фридрих между тем воспринимал грубую и нелепую игру своего отца за чистую монету. Когда ему показали портрет принцессы Амелии, то она ему понравилась, между ними даже завязалась переписка. Долгое время он пребывал в надежде на перемены в своей жизни, но потом все рухнуло в одночасье. Но даже тогда он продолжал цепляться за иллюзии – страстно просил покидающего Берлин посланника Хотэма рассказать дядюшке, королю Георгу Второму о его желании переехать в Англию. Когда Хотэма при прусском дворе сменил новый посол, сэр Гай Диккенс, то Фридрих уже прямо поведал ему о своем намерении бежать в Англию. Проконсультировавшись с начальством, Диккенс мягко отверг такой план, однако передал Фридриху некоторую сумму денег от Георга II. Отчаявшийся кронпринц деньги принял, расплатился со своими долгами и стал вынашивать новый план бегства. Теперь уже не в Англию, из которой последовал отказ в убежище, а во Францию, которую он так любил и восхищался. Вероятно, последней каплей, переполнившей чашу терпения кронпринца, был парад в честь короля Саксонии, который состоялся в июне 1730 года. На этом параде король-отец перешел в своей жестокости по отношению к наследнику престола все мыслимые границы: жестоко избил Фридриха на глазах не только офицеров и придворных, уже привыкших к этому, но на виду огромной толпы зевак из простого народа.

Попытка побега являлась актом отчаяния Фридриха, поскольку он понимал, зная характер отца, что после побега можно было не рассчитывать на прощение. В план побега Фридрих посвятил трех своих наиболее преданных друзей. Вот их имена: поручик из Везеля Петер Карл Христоф Кейт (Peter Karl Christoph von Keith; 24 мая 1711 – 27 декабря 1756) – лейб-паж (впоследствии заочно приговоренный к повешению взбешенным королем, Кейт

бежал в Англию и вернулся после вступления Фридриха на престол, получил чин подполковника и назначен на пост попечителя Академии наук);

его младший брат, также лейб-паж короля, который после допроса с пристрастием не выдержал и выдал королю замыслы кронпринца о побеге, чем сохранил свою жизнь;

наконец, поручик Ганс Герман фон Катте, сын генерала (после восшествия на престол Фридриха произвел его несчастного отца в фельдмаршалы и сделал графом) и внук фельдмаршала.

Королевский кортеж двигался через Гейдельберг, Маихейм, Дармштадт, Франкфурт, направляясь в прусский город Везель-на-Рейне. 10 августа они добрались до Бонна, побег планировалось осуществить на следующем отрезке пути. Но этого не произошло – план был раскрыт.

Ф. Кони так описывает этот момент: «Едва выглянуло солнце, как услужливый паж пробрался в сарай принца, но в темноте вместо Фридриха разбудил его камердинера. Тот имел довольно присутствия духа притвориться, будто не находит тут ничего подозрительного, и преспокойно завернулся опять в одеяло, высматривая, что из всего этого в конце концов получится.

Он увидел, как принц торопливо вскочил и оделся, но не в мундир, а во французское платье и в красный сюртук сверху. Потом на цыпочках прокрался к двери, осторожно отворил ее, робко озираясь на товарищей, и вышел.

Едва он ушел, камердинер тотчас же известил полковника Рохова обо всем случившемся. Испуганный полковник разбудил еще трех офицеров из королевской свиты, и все четверо, подозревая недобрый умысел, пустились отыскивать принца.

Вскоре они нашли его на конном рынке. Принц стоял, прислонясь к повозке, и со всех сторон высматривал пажа, которого ждал с лошадьми. Появление неожиданных гостей привело принца в бешенство и отчаяние, кажется, он был бы в состоянии драться с ними насмерть, если бы имел при себе оружие. Офицеры подошли к нему и с должным почтением спросили, что заставило его высочество так рано подняться с постели и нарядиться в такое странное платье? Он отвечал им коротко и грубо. Рохов между тем ему заметил, что король изволил уже проснуться и через полчаса намерен продолжать свой путь; почему покорнейше просил принца возвратиться и поскорей надеть мундир, чтобы его величество не увидел его в этом костюме. Принц не соглашался. Он отвечал, что хочет прогуляться, подышать утренним воздухом; пусть они не беспокоятся – в назначенный час к отъезду он обязательно явится в приличном, соответствующем его положению платье.

Между тем прискакал паж с двумя лошадьми. Принц хотел проворно вскочить на одну из них, но офицеры не допустили этого. Он боролся с ними, как отчаянный, но сопротивление было напрасно; сила и большинство одолели. Его заставили возвратиться в сарай, лошадей отослали, пажа взяли под арест».

Поручик Кейт, как я уже писал, проявил расторопность и бежал в Англию, где Георг II не только дал ему убежище (в Ирландии), но и назначил ему жалованье.

Схватив сына за волосы, король таскал принца за волосы и бил палкой до тех пор, пока у того не пошла кровь из носа. «Никогда еще лицо бранденбургского принца не покрывалось такими знаками бесчестья!» – отчаянно кричал Фридрих. Если бы не вмешательство генерал-майора фон Мозеля, то отец в ярости нанизал бы сына на шпагу, словно куропатку.

Фридрих был схвачен и перевезен в Кюстринскую крепость, где был допрошен. Ему предъявили обвинение в государственной измене, а также в дезертирстве из армии. Король был полон решимости казнить сына, лишь вмешательство фрейлины королевы, графини Кама, спасло принца. Она бесстрашно спросила у короля, неужели он тоже хочет войти в историю, как детоубийца, подобно своему другу царю Петру Первому? Это несколько отрезвило короля. Но все равно наказание было жестоким.

Georg Lisiewski, портрет поручика Ганса Германа фон Катте

«...Фридрих был брошен в темницу... Однажды утром в камеру вошли гренадеры, взяли его под руки и, крепко держа, подвели к окну. В тюремном дворе он увидел плаху, горку песка и двух пасторов, между которыми стоял Катте в расстегнутой на груди рубашке... Фридрих бился и кричал, умоляя отменить приговор. Он обещал отказаться от трона, принять пожизненное заключение, отдать свою жизнь – все, что захочет король, только пощадите Катте!.. Как обычно, король-отец поминутно расписал этот день: как должна проходить экзекуция, сколько труп должен оставаться перед окном Фридриха («семь часов»), кто должен унести труп («почтенные бюргеры»). Согласно сценарию, место экзекуции Катте было выбрано так, чтобы его было хорошо видно из любой точки окна. Удара палача Фридрих не видел: за секунду до этого он упал в обморок. Весь следующий день он провел, рыдая

у маленького окна, уставившись на тело, все еще лежавшее во дворе, на которое, вопреки приказанию короля, кто-то набросил черный плащ, запекшийся от крови...»⁵⁶

Казнь поручика Ганса Германа фон Катте

Фридрих Вильгельм I, отправляя на смерть друга своего сына, был абсолютно убежден, что творит добро: «Когда военный трибунал зачитает Катте приговор, ему следует сообщить, что Его Королевское Величество весьма опечален. Однако будет лучше, если умрет он, чем если бы из мира ушло правосудие». Как все тираны похожи, оправдывая свою кровожадность высшими интересами!

Накануне казни поручика доставили к королю. В своей обычной манере Фридрих Вильгельм I зверски избил несчастного офицера: ногами, руками, палкой. Но и этого ему показалось мало, он еще заставил признать отца поручика Катте в правильности и необходимости казни его сына ради блага государства. Несчастный отец так и сделал, заявив, что он теперь будет всем говорить, что его сын пал за свою страну. Коронованный душегуб выразил свое удовлетворение.

⁵⁶ *Gaines J. R. Evening in the Palace of Reason.*

«Полк принца, экипажи и обстановка были у Фридриха отображены, штат распущен, а частью наказан, любимые книги до четырех тысяч томов распроданы; молоденькая дочка потсдамского ректора, склонность к которой Фридрих выразил в некоторых подарках, была публично наказана и заключена на три года в работный дом, а камердинер принца попал в Шпандау» (то есть был заключен в тюрьму. – М. Б.)⁵⁷.

Своего несчастного друга, умерщвленного по приказу бессердечного отца, Фридрих II не забудет никогда. Маркиз де Лафайет⁵⁸ после посещения Фридриха Великого писал генералу Джорджу Вашингтону, что однажды за обедом Лафайет с горячностью заговорил о выборном правительстве, правах человека и конституции. Фридрих резко оборвал его: **«Я знал одного молодого человека, который... однажды решил защитить эти принципы. Знаете, что с ним стало? – Нет, сэр. – Ему отрубили голову»**⁵⁹.

Понятно, о ком шла речь. Юношеские мечты и чистые помыслы о свободе навсегда отрубил топор палача вместе с головой поручика Катте...

Эта трагедия резко изменила Фридриха II: с этого дня он перестал чувствовать себя в безопасности. Еще бы! Ведь поначалу «любящий» отец чуть не убил его и лишь потом «смиловившись» и бросил в тюрьму! Так у него выкристаллизовался еще один жизненный принцип: **«Величайшее искусство дипломатии – уметь скрыть свои планы»**. Но до восхождения на престол оставалось еще долгих десять лет и надо было продолжать жить!

2

В мае 1731 года Фридрих Вильгельм I, все еще пребывая в ярости, отправил приказ своему маршалу фон Вольдену: «...он должен только выполнять мою волю, выбросить из головы все французское и английское, сохранив в себе лишь прусское, быть верным своему господину и отцу, иметь немецкое сердце, выбросить из него все франтовство, проклятую французскую политическую фальшивость и усердно просить у Бога милости...»

Поэтому Фридрих, понимая, что над ним по-прежнему висит угроза позорной казни, счел для себя необходимым наладить отношения с отцом. Посредником выступил, как это ни странно, министр Грумбков. Тот самый, который явился причиной расстройств «двойного марьяжа». Это был настоящий лукавый царедворец, который понял, что стоит наладить добрые отношения с наследником, раз уж он уцелел. Он сам посетил Фридриха уже на другой день после казни несчастного фон Катте и выразил желание примирить принца с королем. Кронпринц не отверг его инициативы, министр оказался очень полезным, и их деловые отношения продолжались вплоть до самой смерти Грумбкова.

Кронпринц научился маскировать свои истинные мысли. Постепенно ярость угасла, и он снял опалу и задумал женить Фридриха, рассчитывая на то, что он после этого образумится. Король написал кронпринцу письмо, в котором лаконично проинформировал его, что нашел для него подходящую невесту, принцессу Елизавету Кристину Брауншвейгскую: «Принцесса не красавица, но и не уродлива. Она кроткого благочестивого нрава, и этого достаточно для брака».

Нельзя сказать, что этот замысел вызвал у Фридриха энтузиазм. Он боялся отца и не смел обратиться к нему напрямую, опасаясь очередной вспышки ярости. Но до нас дошли его полные отчаяния письма советнику отца, генералу Грумбкову:

⁵⁷ Фридрих Великий. Издание А. С. Суворина. СПб., 1894. (Сто великих людей).

⁵⁸ Маркиз де Лафайет (1757–1834) – один из вождей Великой французской революции, который прославился помощью американским колониям в их борьбе за обретение независимости.

⁵⁹ *Gaines J. R. Evening in the Palace of Reason.*

«Если меня заставят вступить с ней в брак, то я буду плохим супругом. Сама мысль о браке претит мне и заставляет меня содрогаться. Я, как послушный сын, исполню волю моего отца, но никогда не смогу вести семейную жизнь, и как только я сам стану королем, я отвергну свою жену. Я не хочу жениться на этой глупой принцессе!»

«Самая последняя берлинская шлюха мне была бы куда предпочтительнее, чем эта святая...»

«Заклинаю всем святым, поговорите с его величеством, чтобы он позволил мне повременить с женитьбой...»

Вильгельмина (Friederike Sophie Wilhelmine von Preußen, 1709–1758, любимая сестра Фридриха Великого) так описывала избранницу Фридриха: «Она высока ростом, но дурно сложена и дурно держится. Белизна ее ослепительна, зато румянец слишком яркий, глаза ее бледно-голубые, без всякого выражения и не обещают особенного ума. Рот ее мал; черты миловидны, хотя неправильны; все лицо так невинно-простодушно, что можно подумать с первого взгляда, что головка ее принадлежит двенадцатилетнему ребенку. Белокурые волосы вьются от природы, но вся красота ее обезображивается нескладными, почернелыми зубами. Движения ее неловки, разговор вял, она затрудняется в выражениях и часто употребляет обороты, по которым надо угадывать, что она хочет сказать».

Фридрих внутренне, несомненно, негодовал, но, получив хороший урок, понимал, что не стоит испытывать судьбу дважды. Ведь если бы он выразил неповиновение, то на этот раз можно было лишиться не только свободы, но и самой жизни. Поэтому он с видимой покорностью принял это решение отца, к его большому удовлетворению. И одновременно пишет то, что думает на самом деле: **«Мне хотят вколотить любовь палками, к несчастью, я не обладаю ослиной природой и потому боюсь, что это не удастся. Но я буду галантен и позволю женить себя, а потом пускай madam делает, что хочет, я же со своей стороны также сохранию за собой свободу действий».**

12 июня 1733 года Фридрих II и Елизавета Кристина (Elisabeth Christine von Braunschweig-Bevern) поженились, но ни о какой любви и речи быть не могло. Принцесса была знатного рода (старшая дочь сестры императрицы Антуанетты!), но малообразованна и дурно воспитана. С мужем у нее практически не было никаких общих интересов. Она была типичной пуританкой – застенчивой и весьма религиозной, сочетала в себе наивность и полное отсутствие женского шарма.

Так что брак этот, как и следовало ожидать, изначально был неудачным, и до конца своих дней король и королева оставались чужими людьми.

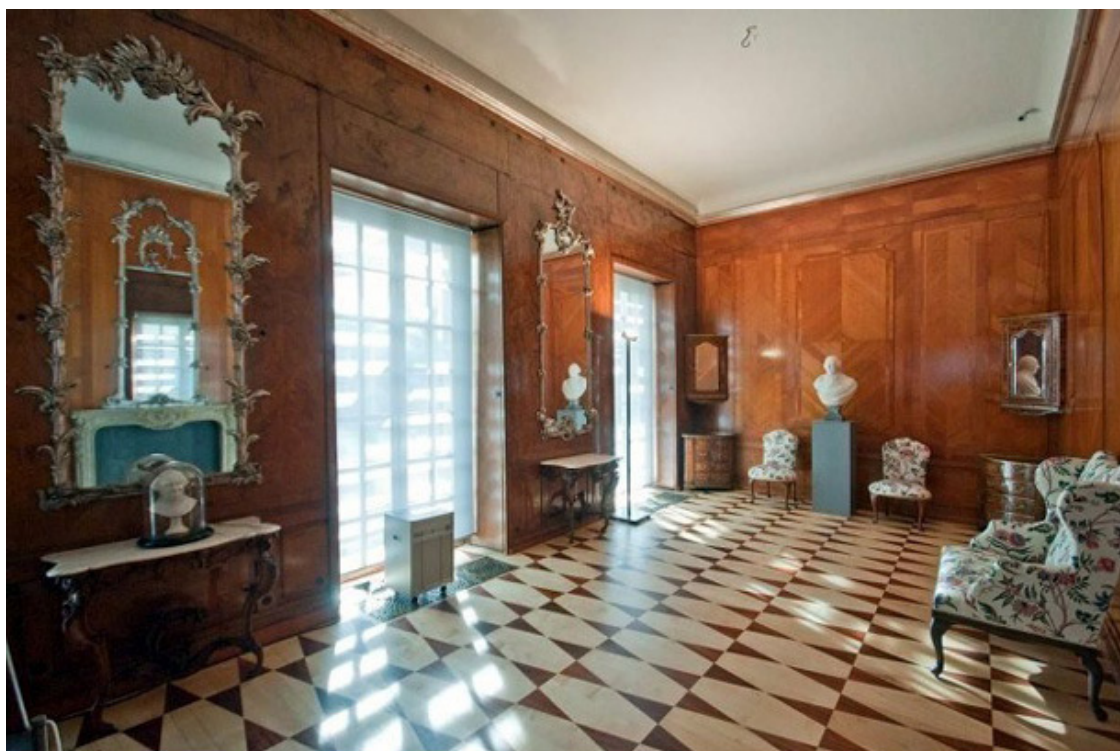

Королева Пруссии Елизавета Кристина

В первую же брачную ночь Фридрих заявил, что Елизавета Кристина глупа, как курица, и не стоит того, чтобы он уделял ей время. Поэтому он подговорил друзей поднять тревогу и кричать во все горло: «Пожар!» Пользуясь суматохой, Фридрих бежал от новобрачной. Со своей женой он жил врозь. При этом, сохраняя все приличия королевского сана, они едва переносили друг друга. Многие в качестве причины прохладных отношений между супругами называли бездетность их союза. Быть может, Елизавета Кристина намеревалась со временем завоевать любовь Фридриха своей скромностью, религиозностью и умеренностью желаний. Но в таком случае она избрала из всех вариантов наихудший, поскольку она была совершенством в глазах отца Фридриха, а сам принц был его полной противоположностью. И в своей жене, вероятно, он видел не человека, а ещё одно слепое орудие в руках деспота-отца, посланное уязвить и унижить его! Ведь в присутствии жены сына Фридрих Вильгельм I вдруг забывал свои казарменные выходки и становился галантным и учтивым, таким добрым батюшкой. Впрочем, не только Фридрих терпеть не мог свою жену: мать и все братья и сестры также откровенно презирали и не любили Елизавету Кристину, нещадно

критиковали – мол, от Елизаветы Кристины дурно пахнет, она глупа и неотесанна, словно деревенщина.

Тут я не могу не отметить еще один важный момент. Фридрих Вильгельм I при всех своих недостатках обладал одним неоспоримым достоинством – он был невероятно чисто-плотным человеком. Он принимал ванны порой по несколько раз в день, регулярно мыл руки с мылом. Уже в 1728 году французский врач Фошар в руководстве по зубоврачеванию указывал о применении зубной щетки из щетины. Так что при дворе чистили зубы порошком из пепла и поваренной соль. Это, конечно, не «Колгейт», но всё же. И от всех окружающих король требовал неукоснительного соблюдения норм гигиены. Не только он сам и его семья, но и весь прусский двор и дворянство благоухали мылом. И не только. «Фельдфебель Европы» активно боролся со вшами и приказал своим солдатам и офицерам брить головы и носить парики (хоть в чем-то нацисты могли быть довольны – целая армия скинхедов!). Не избежал этой участи и принц Фридрих, вынужденный состричь свои длинные волосы, которые он отрастил согласно французской моде. Елизавета Кристина подобной чистоплотностью похвастаться не могла, что, вероятно, вносило дополнительное отчуждение.

Дворец Шёнхаузен, в котором провела свои дни Елизавета Кристина

Придворный летописец так описывал взаимоотношения супругов: «Иногда король просил у королевы позволения откусать вместе с нею. Они сходились молча, почтительно раскланивались друг с другом, садились за стол и так же церемонно после обеда расходились... Таким образом ими была отпразднована и золотая свадьба в 1783 году».

С женщинами королем вообще не везло в жизни. Недавно преподаватель французской литературы Берлинского университета им. Гумбольдта Ванесса де Сенарклен нашла в Берлинском архиве неизвестное ранее стихотворение короля «Наслаждение», посвященное страстным взаимоотношениям юноши и девушки, написанное в 1740 году. В письме Вольтеру Фридрих объяснял, почему он выбрал именно эту тему: он пытался убедить знаменитого философа, что европейцы в своей страстности не уступают всем прочим народам. Однако жизнь показала обратное, по крайней мере в отношении Фридриха.

Молодой принц Фридрих был влюблен в некую дочь школьного учителя из Бранденбурга, которую его отец, узнав об этой связи, приказал выпороть, так что с этого момента и начались неудачи Фридриха в его отношениях с женщинами⁶⁰.

Первой неудачей в жизни Фридриха была дружба с очаровательной шестнадцатилетней потсдамской барышней по имени Дорис Риттер, за которой юный принц некоторое время ухаживал. Дорис Риттер была дочерью немецкого богослова Маттиаса Риттера. В 1728 году их семья переехала в Потсдам, где отец получил должность директора местной средней школы, а также занял пост кантора в церкви Святого Николая. Дорис обладала незаурядным музыкальным талантом, а также прекрасным слухом и голосом. Она играла на фортепиано и исполняла сольные партии в церковном хоре. Благодаря общему увлечению музыкой они общались почти каждый день, чем навлекли на себя гнев короля, но девушка получила гораздо более серьезное наказание.

Расправа состоялась вскоре после неудачной попытки побега принца: Дорис была унижительным образом освидетельствована на предмет девственности. Из приговора, вынесенного несчастной: «...утром дочь кантора должна быть выпорота перед городской ратушей, затем то же надлежит сделать перед домом её отца, после этого её следует водить по городу и пороть на каждом углу, дабы так провести по всему городу». Всё исполнили в точности: в позорном одеянии её провели по городу, где перед ратушей, перед родительским домом, а потом и на каждом углу публично секли, после чего она была «навечно» заключена в рабочий дом. Оттуда она, правда, вскоре вышла, но это был уже другой человек. Вольтер описал её так: «Тощая женщина, похожая на ведьму, она ничем не напоминает ту девочку, которую порол из-за принца». Ужас пережитого остался у неё на всю жизнь, и дальнейшие ее отношения с Фридрихом не сложились... Она скончалась в 1762 году в Берлине.

В 1728 году во время визита в Дрезден Фридриха Вильгельма I графиня Ожельская (Anna Karolina Orzelska, 1707–1769) была представлена молодому Фридриху.

⁶⁰ Вольтер. Избранные сочинения. М.: ОГИЗ, 1947. С. 397

Графиня Ожельская (Anna Karolina Orzelska)

Красивая и не отличающаяся избыточным целомудрием женщина стала первой возлюбленной кронпринца. В начале 1729 года она тайно приезжала в Берлин, чтобы встретиться с прусским наследником; он посвящал ей стихи и музыкальные произведения собственного сочинения. Однако вскоре выяснилось, что графиня Ожельская, общаясь с Фридрихом, руководствовалась не любовью, а всего лишь выполняла задания разведывательного характера, то есть была банальной шпионкой...

Была у него в жизни и запретная любовь. В последние дни августа 1731 года отец разрешил Фридриху покинуть своё узилище в крепости Кюстрин. Свой первый визит он нанёс в Тамзель, где познакомился с Луизой Элеонорой фон Вреех, двадцатипятилетней красавицей-блондинкой, женой полковника фон Врееха. Она произвела на него неизгладимое впечатление, так что он постоянно посещал её до последних дней пребывания в Кюстрине (февраль 1732 года). Приставленный королем следить за принцем граф фон Шуленберг в одном из своих докладов Грумбкову описал её так: «Фрау Вреех была очень хороша, и цвет ее лица напоминал розу и лилию». Спустя много лет её правнучка обнаружила среди старых семейных документов конверт, на котором было написано: „Lettres et vers de certain grand Prince!”

Некоторые страницы были названы ещё более конкретно: „Lettres de Frédéric II”. Из книги Теодора Фонтане⁶¹ «Странствия по марке Бранденбург» мы узнаём о содержании некоторых из этих писем. О, это была жаркая любовь, принц посвящал красавице стихи и оды!

Разве я сказал слишком много, и моя песнь зашла слишком далеко,
Хотя, конечно, в переживаниях лишь опыт, я безрассуден,
Размышляя молча, когда видел вас в последний раз,
Я молчал, потому что онемел, когда рядом стояли божественная вы.
Госпожа, позвольте мне ещё часто
Исповедоваться во всем счастье, этой надежде моей души,
Исповедоваться во всем, что я преодолел до сих пор...

И, похоже, что эта любовь не была безответной. В своем письме от 20 февраля 1732 года кронпринц написал:

«Я был бы очень неблагодарным, если бы не хотел выразить свою признательность, как только Вы все-таки приедете в Тамзель, за те очаровательные стихи, что Вы написали для меня. Было грехом верить, когда я прочитал стихи, что, даже если только на мгновение, это привело меня к Вашему очаровательному развлечению. Вчера, в вечернем одиночестве, я нашел спокойное свободное время, чтобы читать и восхищаться. Вот Вам моя критика. Все, что исходит от Вас, восхищает своим духом и грацией. Но достаточно – я заканчиваю, я представляю Вас и уже краснею. Не в силах больше испытывать Вашу скромность и в то же время желая предоставить Вам новое доказательство моего слепого послушания, я посылаю Вам то, что Вы меня просили». То, о чем просила фрау фон Вреех, было его портретом, к которому он приложил прощальный сонет, с признанием в любви – он покидал Кюстрин.

Сонет звучит так:

Когда мою посланницу поприветствует мой образ
И посланница истолкует эту песню как то,
Что я скажу тебе то, чего до сих пор избегал,
Теперь я говорю это: «Я лежу у твоих ног».
Я ношу оковы, но не те райские,
От которых сердце свободно уходит,
С каждым кольцом, с каждым новым звеном
Желание нести и каяться только растет.
Но постой, о песня, не скажет тебе слишком много,
А спрячет за веселой игрой
Боль от расставания и сердечной раны,
Спрячет твои желания любимой цели,
Умолчит, что лишь один упал пред тобой,
Чтобы желать умереть за тебя каждый час.

⁶¹ Теодор Фонтане (Theodor Fontane, 1819–1898) – немецкий писатель и поэт, наиболее заметный представитель критического реализма в немецкой литературе XIX века.

Портрет Фридриха Великого в юности

Почему же он покинул фон Вреех, хотя и не был отвергнут? Причина была проста: король-отец был по-прежнему недоволен, на что и намекнул Грумбков. Приходилось делать выбор между любовью и собственной головой...

Известно также, что во время и после окончания строительства Оперы монарх нередко встречался с молодыми актрисами.

Всемирно известный сердцеед Джакомо Казанова (1725–1798) писал о любовных отношениях короля со знаменитой красавицей и танцовщицей Барбариной Кампанини (Barbara Campanini, La Barbarina, 1721–1799).

Кадр из фильма «Die Tänzerin von Sans Souci» («Танцовщица из Сан-Суси»)

Развивались отношения так: король официально пригласил её в Берлин. Но взбалмошная Барбарина в это время завязала любовную интрижку с английским лордом Стюартом и ехать в Берлин наотрез отказалась. Тогда Фридрих совершенно потерял голову: ничуть не опасаясь возможного международного скандала, стал открыто угрожать Венеции, требуя от неё выдачи Барбарины! Сенат Венеции уступил нажиму. А прусский посол в Венеции граф Катансо получил указания короля: «Принять надлежащие меры, чтобы немедленно доставить эту тварь на место». Через пять дней она была доставлена в Берлин. Лорд Стюарт приехал вслед за Барбариной в прусскую столицу, но все его письма балерине были перехвачены, а сам он был навсегда изгнан из пределов королевства (знаменитая писательница Жорж Санд на основе этой истории создала роман «Графиня Рудольштадт»). Когда же она появилась на берлинской сцене, то король был ослеплен её грацией и красотой. С ней был подписан контракт на семь тысяч талеров в год! Это была невероятно высокая сумма в те времена. Кроме того, согласно условиям контракта ей полагалось также пять месяцев отпуска! Но всё было напрасно, король не обрел счастья с Барбариной. Историки скупо сообщают нам: «После любовной связи с Барбариной Фридрих стал относиться к женщинам резко отрицательно». Причиной этому, вероятно, послужил тайный брак танцовщицы с одним из молодых прусских чиновников, о котором, естественно, стало известно королю. Гордость Фридриха была жестоко оскорблена. Этим чиновником был некто Людвиг фон Коччеги, сын бывшего канцлера, вместе с которым она после женитьбы навсегда поселилась в Силезии. Король, несмотря на жестокий удар по его самолюбию, никогда не преследовал их, однако этих ударов судьбы оказалось достаточно для того, чтобы он потерял интерес к женскому обществу. Говорят, что полное охлаждение к Барбарине наступило у короля лишь спустя 14 лет постоянных душевных страданий.

Рассуждая о царе Соломоне, о котором Библия пишет, что ему не хватает женщин, поскольку в гареме у него их лишь тысяча, Фридрих заметил: **«У меня только одна женщина, да и то для меня это слишком много»**. Современный исследователь Дэвид Фрей-

зер сказал, что секс не играл заметной роли в его жизни. Свои истинные чувства он описал, как всегда, лаконично: **«Я думаю, по-настоящему счастлив только тот, кто никого не любит».**

* * *

Сестре Вильгельмине, отношения с которой были прекрасными и которая являлась одной из немногих по-настоящему уважаемых им женщин (до самой её смерти король состоял с ней в регулярной переписке), он писал: **«Я хочу, чтобы эта жирная сволочь (Фридрих Вильгельм) сдохла побыстрее».**

До такой степени он испытывал антипатию к своему мучителю, что до конца своей жизни так и не смог избавиться от неприязни к упитанным людям: в них он видел двойников своего толстяка отца.

А официально отцу: **«Для меня нет ничего желанней, чем засвидетельствовать моему нежнейшему, любящему папочке свою слепую покорность. Нижайше жду от Вас дальнейших приказаний...»**

3

С другой стороны, он еще больше погрузился в мир философии и искусства. **«Меня отрезали от мира, и мое одиночество скрашивают величайшие мудрецы античности и современности».** «Проведя полгода в тюрьме и получив прощение, Фридрих зажил жизнью, о которой мечтал. Подальше от отца, в Райнсберге, он заново собрал библиотеку, когда-то выброшенную отцом, зачитывался классикой, которую запрещал отец: Расином, Корнелем, Платоном. По вечерам играл на флейте, и ему аккомпанировали лучшие музыканты того времени»⁶².

Замок Райнсберг молодожены получили в качестве свадебного подарка, вместе с собственным двором и штатом прислуги. Райнсберг Фридрих переименовал в Ремисберг – «город Рема», по имени брата легендарного основателя Рима. Историки того времени верили старинному немецкому преданию, согласно которому Ремус, изгнанный Ромулом, нашел пристанище на берегах Рейна и основал здесь поселение. В окрестностях замка велись археологические раскопки с целью обнаружить следы пребывания героя на немецкой земле. Фридрих так увлекся этой легендой, что дал своим приближенным римские имена. Принц даже основал рыцарский орден, избравший своим покровителем Баярда⁶³. Эмблемой ордена была шпага, лежащая на лавровом венке, а его девиз: „Le Chevalier sans peur e! sans reproche” («Без страха и упрека») – повторял девиз легендарного рыцаря⁶⁴. Рыцарское братство состояло из двенадцати ближайших друзей Фридриха, у каждого из которых было свое прозвище: сам принц назывался Постоянный, Фуке, гроссмейстер ордена, – Целомудренный, герцог Вильгельм Баварский – Золотой Колчан и т. д. Рыцари носили кольца в виде согнутого меча с надписью: «Да здравствует кто не сдается!» – и давали обет блюсти доблесть душевную, храбрость воинскую и славу вождя. В разлуке они обменивались выспренними письмами в старофранцузском рыцарском стиле. Позже Фридрих вступил в масонскую

⁶² Gaines J. R. Evening in the Palace of Reason.

⁶³ Пьер де Террайль Баярд (1476–1524) – французский рыцарь, прославившийся своими подвигами в битвах и победами на турнирах. Король Франции Франциск I пожаловал его званием рыцаря без страха и упрека.

⁶⁴ Это выражение стало общеупотребительным после того, как получил широкое распространение анонимный французский роман XVI века под названием «Приятнейшая, забавная и отдохновительная история, сочиненная честным слугой о событиях и поступках, успехах и подвигах доброго рыцаря без страха и упрека, славного сеньора Баярда».

ложу «Авессалом», а после восшествия на престол сделался гроссмейстером Великой ложи. Справедливости ради надо сказать, что после вступления на престол все эти детские игры в короля Артура он прекратил.

Нужно признать, что Елизавета Кристина никогда не жаловалась королю на мужа, а простодушно снабжала Фридриха деньгами из личных сбережений. Период с 1736 по 1740 год был, пожалуй, самым счастливым для Елизаветы Кристины, которая была на первых ролях, по крайней мере у себя дома. С мужем у них на короткий срок даже завязалось нечто отдаленно напоминающее семейную жизнь. Из письма Фридриха: **«У меня сейчас пора случки, как у оленей...»** и **«Возможно, через девять месяцев кое-что произойдет...»**. Однако ничего не получилось, они так и остались бездетными. Тем не менее, он всегда уважительно к ней относился, а в своем завещании приказал племяннику, наследнику престола, оказывать ей уважение как вдовствующей государыне и предоставить «...ежегодно 10 000 талеров, две бочки вина, сколько угодно дров и дичи для ее стола».

Замок Райнсберг

Вскоре король присвоил Фридриху звание полковника и поручил инспекцию расквартированных в соседнем Нойруппине пехотных полков, с чем кронпринц успешно справился. Благодаря советам министра Грумбова он все глубже стал вникать в государственные и военные дела, так что король был вполне удовлетворен. Между ними установилось подобие хороших отношений. Внешне Фридрих стал выражать отцу абсолютную покорность и уважение, а тот был этим доволен, как и женой своего сына.

Чего же добился король-отец своей тиранией? Только того, что принц возненавидел в полной мере абсолютно все, что было любимо им, стал полным его антиподом, при этом научившись умело скрывать свои мысли. Вольтер писал в своих мемуарах: «Я полагаю, что менее похожих друг на друга отца и сына, нежели эти два монарха, трудно отыскать».

Пожалуй, единственным занятием, к которому Фридрих Вильгельм I все-таки смог привить своему сыну любовь, было военное дело. Уже с пяти лет принца начали обучать ружейным приемам и строевой подготовке.

Вот выдержки из наставления, данного королем-отцом воспитателям маленького принца: «Принцу следует внушить быть добрым христианином. Он должен быть хорошим и толковым хозяином и питать отвращение ко всякой распущенности, расточительности и азартной игре; сверх того, ему следует внушить, что он будет не более как презренный человек, если не сумеет выработать из себя храброго солдата». И Фридрих II стал таким: его беспримерным мужеством на поле боя восхищались даже его противники.

Глава IV «Ultima ratio Regis»⁶⁵

Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, нельзя было бы вести ни одной войны.

Фридрих Великий

1

Всего Фридрих Великий участвовал в четырех войнах. Это были войны: за польское наследство (1733–1735), австрийское (1740–1748), – получившие названия Первой и Второй силезских войн, в Семилетней войне (1756–1763) и войне за баварское наследство (ее еще называли «картофельной войной»). Подробно описывать его деятельность на военном поприще не имеет смысла, на эту тему сказано достаточно. Я лишь позволю себе остановиться на основных моментах.

Впервые Фридрих II принял участие в боевых действиях против Франции летом 1734 года, когда его отец возглавил прусский корпус в составе австрийской армии под общим командованием прославленного австрийского военачальника Евгения Савойского⁶⁶. Реально он тогда еще никем не руководил, ему лишь позволяли присутствовать на военных советах. Кампания продвигалась вяло, Евгений Савойский избегал решительных действий. Несмотря на это, Фридрих впервые «понюхал пороху», что, несомненно, захватило его. Принц Евгений Савойский, этот величайший полководец всех времён, никогда в своей жизни никого не учил. Единственное исключение он сделал для молодого Фридриха: целыми днями он проводил в его компании и всё время обучал всему, что знал, передавал свой бесценный боевой опыт. Он нашел, что в молодом человеке есть задатки великого полководца, о чем прямо и сказал пораженному напавшему королю-отцу. Позднее Фридрих писал, что именно во время той кампании он понял, **«какой должна быть обувь мушкетеров, как долго солдат может ее носить и сколь долго он должен обходиться ею во время кампании, а также все мелочи, относящиеся к солдатской жизни, вплоть до стофунтовой пушки и в конечном счете вплоть до высших должностей...»**. Можно сказать, что он нашел дело, в котором мог полностью раскрыть свои таланты.

31 мая 1740 года король Фридрих Вильгельм I умер, и Фридрих II взошел на прусский престол, оказавшись, таким образом, не только во главе государства, но и став главнокомандующим прекрасно организованной и многочисленной армии. И когда 26 октября 1740 года умер австрийский император из династии Габсбургов Карл VI, а на престол вступила его дочь Мария Терезия, Фридрих II понял, что наступил его звёздный час: теперь он в полной мере сможет проявить себя в роли политика, а если понадобится, то и полководца. Дело в том, что старогерманский свод законов запрещал передачу императорской короны по женской линии, но император Карл VI издал собственный закон, получивший название прагматической санкции, и разрешал наследование дочерям монарха при отсутствии у него сыновей.

Карл VI в последние годы жизни употребил всё своё влияние на то, чтобы внести изменения в Прагматическую санкцию («Sanctio pragmatica» – закон о престолонаследии) и пере-

⁶⁵ «Последний довод королей» – надпись на прусских пушках, скопированная у французов.

⁶⁶ Евгений Савойский (Eugen von Savoyen, 1663–1736) – принц, австрийский полководец, генералиссимус.

дать трон своей дочери Марии Терезии, которая справедливо казалась ему наиболее способной и достойной короны.

Однако это вызвало тайное негодование даже внутри семьи Карла. Ведь пока у Карла VI не было детей, наследницей престола была старшая дочь Иосифа I. Однако после того как обе дочери покойного брата были выданы замуж, Карл VI пожелал, чтобы трон был передан его дочери – Марии Терезии. Пока император правил, негодование в семье оставалось тайным. Однако сразу после его смерти права Марии Терезии на престол были немедленно оспорены.

Большинство европейских правителей поначалу, скрепя зубами, выразили готовность признать волю Карла, но как только он скончался, все это было немедленно забыто и Марии Терезии с самого начала ее царствования пришлось силой оружия доказывать свои права на австрийский престол и германскую императорскую корону.

Первым против Марии Терезии выступил правитель Баварии, который уже давно курировал по своему влиянию с императором. Именно он – Карл VII Альбрехт (1697 – 1745), курфюрст Баварии, сын Максимилиана II Эммануила из династии Виттельсбах, курфюрста баварского и Терезы Кунегунды Собеской (1676–1730), дочери польского короля Яна III (спасителя Вены и победителя турок в битве на Каленбергеон) и оказался самым недовольным, силой оружия пытаясь добиться своего. Его отец был наместником Испанских Нидерландов. В 1704 году Бавария была завоёвана австрийским императором Иосифом I, юный наследник баварского престола был отправлен в плен, где вырос и получил воспитание, достойное своего высокого титула. Свободу он получил лишь по Раштаттскому миру в 1714 году. А уже в 1717 году молодой Карл Альбрехт командовал баварской дивизией на войне с турками, отличился при взятии Белграда и в 1722 году женился на младшей дочери императора Иосифа I!

В 1726 году принц Карл Альбрехт взошёл на трон и под именем Карл VII Альбрехта получил титул курфюрста Священной Римской империи и герцога Баварии.

В 1731 году Карл Альбрехт решительно отказался Прагматическую санкцию 1713 года. Не возражая в теории против изменения престолонаследия по женской линии, на практике он резко выступил против, поскольку полагал, что его жена имеет больше, нежели он, прав на австрийский престол.

Хотя он и не имел достаточно войск и финансов для того, чтобы бороться с могущественной Австрией, тем не менее, он решительно бросил ей вызов. Этому благоприятствовало то, что в 1740 году сложилась следующая ситуация: финансы Австрии оказались подорванными, а крупные немецкие княжества практически вышли из-под контроля, пользуясь смертью императора. Карл VII Альбрехт заключил союз с Францией и Испанией и объявил войну Марии Терезии. Во главе своей армии и французских войск он вошел в Верхнюю Австрию и занял город Линц, после чего принял титул эрцгерцога австрийского. В ноябре 1741 года его армия лихим ночным рейдом овладела Прагой, после чего он провозгласил себя чешским королём. Триумфом всей его жизни стала дата 24 января 1742 года, когда германские союзники единогласно избрали его императором Священной Римской империи. Впервые за три столетия на престол Германии вступил не член дома Габсбургов! Но его счастье длилось недолго: когда он отправился во Франкфурт-на-Майне для торжественной коронации, австрийские войска перешли в контрнаступление и освободили Верхнюю Австрию и Чехию, заняли Баварию и взяли даже Мюнхен. Тогда Карл сделал сильный ход: призвал к себе на службу уже известного нам генерала барона Фридриха Генриха фон Секендорфа. 22 мая 1742 года он получил чин генерал-фельдмаршала и назначен командовать имперско-баварскими войсками в действиях против австрийцев в войне за австрийское наследство. В кампании 1743 года он одержал несколько небольших побед, что позволило Карлу

Альбрехту вернуться в Мюнхен в 1743 году. Хотя Секендорф поначалу не особенно хорошо проявил себя, тем не менее, в 1744 году ему удалось отвоевать Браунау, Шердинг и Пассау!

Но это уже никак не помогло Карлу VII: 20 января 1745 года он умер от подагры. Его сын Максимилиан 22 апреля 1745 года заключил в Фюссене сепаратный мир с Австрией, по которому отказывался от всяких притязаний на престолонаследие. Корона императора теперь перешла супругу Марии-Терезии, Францу I (Франц Штефан Лотарингский, дальний родственник как Габсбургов, так и Бурбонов).

Поэтому, когда Карл VII Альбрехт официально заявил, что Мария Терезия может претендовать лишь на великое герцогство Тосканское, то Фридрих понял, насколько удачно складываются дела для Пруссии. Пользуясь нестабильностью в Европе, можно получить Силезию и таким образом соединить воедино разрозненные земли королевства, Бранденбург и Пруссию.

Фридрих II был готов к политическому решению, но и военный конфликт также не вызывал у него особого волнения, поскольку он считал, что его армия готова к сражениям. Он писал Вольтеру: **«Теперь наступило время, когда старой политической системе должно дать совершенно новое направление; оторвался камень, который скатится на многоцветный истукан Навуходоносора и сокрушит его до основания»**. Аргументы, оправдывающие боевые действия, ему казались более чем вескими, ведь в те времена древность рода имела огромное значение, вот он и потребовал удовлетворить древние права своего дома на силезские герцогства. Документы двухсотлетней давности свидетельствовали о том, что хозяин княжеств Лигниц, Бриг и Волау, герцог Фридрих II, завещал в 1537 году свои владения курфюрсту бранденбургскому Иоахиму II «Гектору», причем этот договор был скреплен брачными узами их детей. Герцог, передавая эти земли Иоахиму II, ссылаясь на моравского короля Владислава, который документом от 1498 года дал согласие завещать свои владения кому угодно. А в 1546 году император Фердинанд I Габсбург это завещание отменил, поскольку был сильнее и не желал делиться землей ни с кем. Его сын, император Фердинанд II, окончательно отобрал в 1621 году права на княжество Егерндорф у герцога Иоганна Георга Гогенцоллерна, наказав его, таким образом, за поддержку протестантов. Вот про эту старую обиду и вспомнил Фридрих II. Кроме того, аргументы Карла VII Альбрехта в вопросе о престолонаследии казались ему справедливыми.

В декабре 1740 года Фридрих II объявил австрийскому посланнику, что Австрия незаконно удерживает Силезию, хотя эта провинция по праву принадлежит Пруссии. В послании Австрии он указал на то, что уже долгое время справедливые претензии бранденбургских курфюрстов игнорировались императорами, но он не намерен дальше продолжать этот бесплодный спор и предпочитает решить его силой оружия, на полях сражений. На мой взгляд, историки не хотят замечать еще одной грани этой коллизии: ведь если разобраться, **то война за австрийское наследство была самой настоящей войной за независимость Пруссии от Австрии!** До этого момента страна покорно плелась в фарватере австрийской политики и чужих интересов. Фридрих II, объявляя войну Австрии, убедительно дал понять австрийскому двору, что с соглашательской политикой его отца навсегда покончено и будущее Пруссии будет определяться в Берлине, а не в Вене. Прусские провинции были удалены друг от друга, что служило приманкой для агрессии со стороны крупных стран, а также мешало осуществлению нормальных экономических связей. Кроме того, трудно представить себе другой сценарий развития событий. Допустим, Фридрих II не стал бы предъявлять никаких претензий Марии Терезии, а вместо этого приказал бы запрячь коней и отправился прямиком в Вену, чтобы лично выразить свои поздравления и верноподданнические чувства новой императрице. Интересно, каким бы авторитетом он пользовался в своей стране и мире после этого? Недавний принц, над которым регулярно издевался и которого прилюдно унижал отец, став королем, первым делом помчался бы лизоблудствовать перед женщиной,

по мнению многих, узурпировавшей трон, ради того, чтобы сохранить за собой прусский престол? Ведь нельзя сбрасывать со счетов, что тогда было такое время, когда ни о каком равноправии полов не могло быть и речи! И если женщина претендовала на трон, то это было по крайней мере проблематично⁶⁷. После этого Фридрих II прослыл бы тряпкой и в историю вошел бы как трагическая фигура, трясушаяся перед мощью Австрии, Священной Римской империи. Жалкие и нерешительные короли, как правило, быстро утрачивали свои трон и жизнь. Поэтому война за Силезию была для Фридриха II делом чести, его шансом заработать себе авторитет, доказать всем, что он не только соответствует занимаемой должности, но и превосходит своего отца. И он этим шансом воспользовался, хотя, конечно, понимал, что Австрия намного сильнее Пруссии во всех отношениях, ведь в официальных документах того времени даже не употреблялся термин «Германия». Страна, находившаяся под номинальной властью Габсбургов, носила официальное название «Священной Римской империи». Великая Австрия включала в себя, кроме территории собственно Австрии, Чехию, Венгрию, Трансильванию, часть Италии, испанские Нидерланды! Из письма Фридриха II министру фон Подевиле:

«Мой дорогой Подевиле. Я перешел Рубикон с развернутыми знаменами и блистающими саблями. Солдаты полны решимости, офицеры честолюбивы, генералы стремятся к славе. Все будет так, как мы хотим, и я имею все основания предвидеть полный успех этого предприятия. Я хочу или погибнуть, или прославиться. Сердце говорит мне обо всем самом лучшем в этом мире, короче, мои предчувствия, причин которых нам не дано знать, пророчат мне счастье и успех, и я не появлюсь в Берлине без того, что будет достойно крови моих предков и тех храбрых солдат, которыми я имею честь командовать. Adieu, я отдаюсь под покровительство Всевышнего».

2

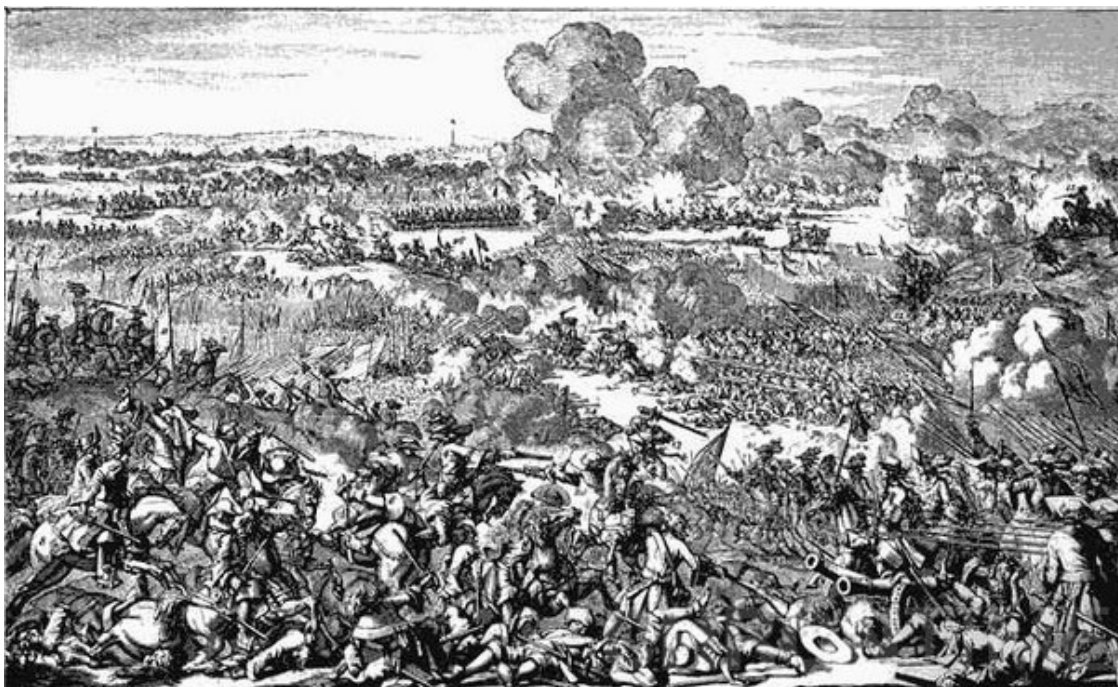
14 декабря 1740 года армия Фридриха II в районе городка Кроммен перешла границу и вступила на территорию Австрии, началось ее триумфальное шествие по Силезии. В течение нескольких недель войска короля овладели всей территорией, за исключением нескольких крепостей. Население Силезии радостно приветствовало прусские войска, а короля Фридриха они считали своим избавителем от австрийской тирании. Такое развитие событий опьянило его, но очень скоро произошла битва при Мольвице, после которой ему пришлось переоценить свои способности, поскольку стали очевидны его эмоциональность и отсутствие опыта. Правый фланг, которым он командовал, был опрокинут наступающими австрийцами, и его конница, вместо оказания помощи, стала топтать собственную отступающую пехоту, превращая отступление в беспорядочное бегство. Вместе с войсками бежал и король, считая все потерянным. А в это же время на другом фланге его войска под командованием генералов Шверина⁶⁸ и князя Леопольда II Максимилиана Ангальт-Дессауского⁶⁹ сумели сдержать атаки австрийцев, а затем и опрокинуть их, одержав убедительную победу.

⁶⁷ Формально императором под именем Франц I стал муж Марии Терезии, Франц Штефан. И только поэтому Мария Терезия стала именоваться императрицей. Франц Штефан полностью уступил жене занятия политикой, а сам занялся финансовыми делами империи. Кроме того, он собирал минералы и обладал большой коллекцией монет. Благодаря его усилиям в Шёнбруннском дворце его усилиями был создан зоопарк, а в своих имениях он создал образцовые хозяйства. А в делах военных он был ещё менее силён, чем в политических: в 1738 году, например, он участвовал в войне с Турцией, после чего вернулся с нервным расстройством и долго не мог прийти в себя. Это навсегда отбило у него охоту от участия в боевых походах.

⁶⁸ Граф Курт фон Шверин (1684–1757). Фридрих II, вскоре после вступления на престол, за выдающиеся успехи сделал его фельдмаршалом и возвел в графское достоинство. Погиб в бою во время сражения возле Праги в 1757 году.

⁶⁹ Леопольд II Максимилиан Ангальт-Дессауский (Leopold II. Maximilian von Anhalt-Dessau, 1700–1751) – фельдмаршал с 1742 года.

После победы король написал старейшему прусскому полководцу фельдмаршалу князю Ангальт-Дессаускому (Leopold I von Anhalt-Dessau, 1676–1747): **«Моей удачей и спасением моей храброй и стойкой армии и общего блага страны я обязан только нашей бесценной пехоте. Наши пехотинцы достойны лавров Цезаря, наши офицеры воистину герои, но кавалеристы никуда не годятся, чтоб их черти взяли»**⁷⁰. Ничего, вскоре такое положение вещей изменится – благодаря его стараниям!

Битва при Мольвице

Победа на поле боя была немедленно закреплена дипломатически: между Пруссией и Францией в Нимфенбурге был заключен военный союз, направленный против Австрии, к которому затем присоединились польский король Август III, баварский курфюрст Карл Альбрехт и испанская королева Елизавета. Вскоре после этого Фридрих овладел Бреслау, столицей Силезии. Войска курфюрста Карла Альбрехта подошли к стенам Вены, вынудив Марию Терезию вместе со всем своим двором бежать в Пресбург. Там она напрямую обратилась к венгерскому народу, лично приехала на сейм со своим маленьким сыном Йосифом на руках. Там Мария-Терезия обратилась к венграм со словами: *«Доверяя вашей верности, я вкладываю свою судьбу и судьбу своих детей в ваши руки...»* Она просила их сражаться. Если не за неё, то хотя бы за будущего венгерского короля, младенца Йосифа.

Ее прочувственная речь к венгерским дворянам произвела на них такое впечатление, что, выхватив сабли, они громогласно поклялись: «Умрем за эрцгерцога нашего Марию Терезию!» и на латыни *«Vitam et sanguinem!»* (жизнь и кровь).

Она хорошо понимала, что в критический момент ей может помочь только преданность офицеров. И находила нужные слова, чтобы ободрить и наполнить мужеством их сердца. Так, она написала своему фельдмаршалу Людвигу Кевенхюллеру: «Только Вы сражаетесь за брошенную всеми королеву и её дитя, так сражайтесь же, как герой!»

Кроме того, Мария Терезия проявила недюжинные способности в области дипломатии: осознав, что невозможно воевать сразу против всех союзников по нимфенбургской коа-

⁷⁰ Р.Кнотель, К.Рехлинг «Старый Фриц от юности до старости», Берлин, 1895

лиции, она приняла решение вступить в сепаратные переговоры с самым опасным из них, с Фридрихом. И он согласился!

Мария Терезия

В соответствии с секретным Клейн-Штеллендорфским соглашением Фридрих II взамен на прекращение боевых действий получал всю Нижнюю Силезию. Но Мария Терезия, вместо того чтобы держать соглашение в секрете, довела его до сведения союзников Фридриха II, что внесло раскол в их ряды. Австрия была спасена, ее армиям удалось нанести своим противникам ряд чувствительных ударов. Однако Фридрих II не захотел оставаться в дураках, и 7 ноября 1741 года он принял торжественную присягу от жителей Силезии, взойдя на ее престол. По традиции жители Силезии подарили своему новому правителю бочку золота, но Фридрих решительно отказался от этого подарка: **«Эта страна слишком пострадала от войны, чтоб я мог принять от нее такую жертву. Напротив, я сам помогу народу в его нуждах, чтобы он не имел причины роптать на перемену правительства».**

Своим указом он разрешил крестьянам Силезии не платить податные налоги и приказал им выдать хлеб на посев. А также распорядился выдать беднейшим семействам деньги. Многим силезским дворянам он пожаловал новые чины и звания. Здесь в полной мере проявилась его толерантность: католикам была дарована полная свобода в богослужении по римскому обряду.

После этих нововведений он снова двинул свою армию против Австрии, и вскоре австрийцы снова потерпели поражение от прусских войск в Шотузицком сражении. И тогда Мария Терезия по совету Англии заключила с Пруссией мир, по условиям которого Фридрих получил Верхнюю и Нижнюю Силезию и графство Глац. В боевых действиях между Пруссией и Австрией наступила пауза на два года, во время которой Фридрих активно занялся обучением и переустройством армии, прежде всего кавалерии. Король признавал слабость

военной системы в Европе вообще и в Пруссии в частности, он писал: **«Римляне не знали дезертирства, без чего не обходится ни одно из современных войск. Они сражались за свой очаг, за все наиболее им дорогое; они не помышляли достигнуть великой цели позорным бегством. Совершенно иначе обстоит дело у современных народов. Несмотря на то, что горожане и крестьяне содержат войско, сами они не идут на поле битвы, и солдаты должны быть набираемы из подонков общества, и только при помощи жестокого насилия их можно держать в строю»**. Поэтому он делал, что мог, и начал с конницы: кавалерия была полностью реорганизована. Именно кавалерия стала настоящей преторианской гвардией у Фридриха Великого. Здесь не практиковали физические наказания, зато щедро поощряли храбрость и инициативу, это была настоящая элита армии. Была введена новая форма: черные чикчиры, доломан и ментик, черная шапка-мирлитон (Fluegelmuetze) с серебряной кокардой. Всего было сформировано десять новых полков.

«Фридрих верхом на коне», автор неизвестен

Участник Семилетней войны граф Ипполит Гибер⁷¹ (1743–1790), французский маршал и известный военный писатель, отмечал: «В одной только Пруссии офицеры и солдаты обладают уверенностью в лошади и смелостью в управлении ею, так что они составляют как бы одно целое с ней и проводят в жизнь древнее сказание о кентаврах. Только там видны на маневрах шестьдесят – восемьдесят эскадронов силой действительно в 130–140 коней каждый, составляющих крыло всей армии; только там можно видеть восемь-десять тысяч всадников, производящих атаку на несколько сот сажен в совершенном порядке и после остановки начинающих подобную же атаку против предположенного, внезапно появившегося в новом направлении противника».

Денисон Джордж Тэйлор в своей книге «История конницы» писал: «Еще никогда в древней или современной истории, даже в ходе войн Ганнибала или Александра Македонского, кавалерией не были совершены столь блестящие операции, которые можно было бы сравнить с деяниями конников Фридриха Великого в его последних войнах. Секрет их успеха заключался в тщательной подготовке отдельного солдата, в постоянных маневрах больших масс конницы, в доверии к сабле и в пламенной энергии, а также в тщательной расчетливости великих военачальников, командовавших ею»⁷².

В „Idees pratiques sur la cavalerie” генерал граф де Рошфор (Le général de Rochefort, 1799–1863) пишет: «Зейдлиц, которому Фридрих обязан большей частью своих успехов, был такой ловкий и энергичный всадник, что не мог допустить, чтобы кавалерийский офицер попал в плен, пока он на коне. Это было им как-то высказано, когда он в чине ротмистра сопровождал короля. Фридрих, от которого ничего не ускользало, услышал это замечание и решил испытать Зейдлица. Случай не замедлил представиться. Свита проходила по мосту; дойдя до середины его, король остановился и, обращаясь к Зейдлицу, который был со всех сторон окружен лицами свиты, сказал: **«Вы говорите, что кавалерийский офицер никогда не может быть взят в плен, это замечание бесспорно храброго человека; бывают, однако, случаи, когда можно бы сдаться без всякого бесчестия. Предположим, например, что мы ваши враги; вы, конечно, и не попытались бы пробиться. Что же сделали бы?»** Зейдлиц с быстротой мысли дает шпоры лошади, бросается в реку и без всякого повреждения возвращается к свите; затем, кланяясь королю, говорит: «Ваше величество, вот мой ответ».

⁷¹ Граф Гибер (1743–1790) – французский маршал и известный военный писатель, автор *Essai de tactique générale*, Liège, 1772; и *Défense de système de Guerre moderne ou Réfutation complète du système de M. Mesnil-Durand*, Neufchatel, 1779.

⁷² **История конницы**: В 2 кн. Кн. 1. Денисон Дж. **История конницы**. – М.: АСТ, 2001. – 480 с.: ил. – (Военно-историческая библиотека). Тираж 8000 экз. ISBN 5-17-004683-9. / Печатается по изданию: Денисон Дж. История конницы / Перевод с немецкого Е.А. Рауш фон Траубенберга.. – СПб., 1897

Фридрих Вильгельм фон Зейдлиц (Friedrich Wilhelm von Seydlitz, 1721–1773)

Храбрец Зейдлиц любил производить маневры конницы на труднодоступной местности, причем скачки происходили на огромной скорости. Это иногда приводило к случаям ушибов и даже к фатальному исходу. Король не терпел гибели людей просто так и сделал ему по этому случаю выговор. Но Зейдлиц, с усмешкой старого вояки, отвечал: «Если ваше величество будет делать такой шум из-за пары сломанных шей, то у вас никогда не будет тех смелых всадников, которые так необходимы в поле». Несмотря на такую жесткость в словах, на деле Зейдлиц отличался среди офицеров своего времени рыцарским характером и гуманностью. В бою он всегда находился в первых рядах, при Кунерсдорфе был тяжело ранен картечью, прикрывая отход своих солдат. Если ему становилось известным, что кто-то из его офицеров без разрешения покидал расположение части, то генерал вместо взбучки устраивал соревнование: вскакивал в седло и скакал вдогонку. При этом наказание полагалось лишь в одном случае: если ему удавалось догнать нарушителя дисциплины. Если же

нет, то генерал не только не наказывал, а напротив, награждал офицера за отличную езду. Вполне естественно, что подчинённые обожали его. Для своих солдат он полностью прекратил применять физические наказания, вдохновляя их исключительно личным примером и называя своими храбрецами, представляя к наградам. А также добившись права носить самую красивую форму в армии и отпускать усы.

Король всегда прислушивался к мнению своих талантливых офицеров, даже если это шло вразрез с его убеждениями. Поэтому он издал указ «Его Величеству угодно, чтобы ни одна здоровая лошадь не оставалась двух дней кряду на конюшне. Это единственное средство получить кавалериста, ловко управляющего конем и владеющего оружием...» Кроме того, гусарам внушали, что они сражаются не только за короля, но и за свою родину, за родной дом. Инструкции Фридриха гласили: «Все тактические маневры должны совершаться с возможно большей скоростью, все движения на коротком галопе – решительно запрещаются. Кавалерийские офицеры должны требовать от своих людей виртуозного мастерства в езде... Каждый эскадрон, получивший приказ об атаке, обязан немедленно и самым решительным образом атаковать врага холодным оружием, и ни один командир под угрозой немедленного раскассирования его части не имеет права вести огневой бой...». Как результат – прусская кавалерия превратилась в самую мощную ударную силу в Европе, поскольку в других странах конница седлала своих коней лишь раз в 7–10 дней. Фридрих сделал всё от него зависящее, чтобы статус офицера в Пруссии, и без того высокий, стал ещё выше. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы офицерское звание получали просто так, по протекции, или покупали, что практиковалось в других странах. Не менее двух лет кандидата в офицеры готовили в кадетском корпусе, а затем переводили в войска, где он мог на деле применить полученные в училище навыки. Пехота, и без того неплохо натренированная, в результате интенсивной переподготовки стала намного превосходить армии всех европейских стран по скорости стрельбы, быстрой передвижения и управляемости на поле боя. Прусская пехота отличалась от других армий тем, что всегда и во всех случаях атаковала врага в штыки, навязывая рукопашный бой. В одном из своих наставлений король прямо требовал **«решительно атаковать штыками врага, чей боевой порядок расшатан огневым боем»**.

Задолго до Наполеона Фридрих Великий понял и оценил важность снабжения войск: **«Когда хочешь построить армию, начинай прежде всего с желудка; в войне целые нации переходят с места на место; с каждым днем рождаются у них новые потребности, которые ежедневно нужно удовлетворять, и гораздо труднее защитить армию от голода, чем от неприятеля. Поэтому в выборе провиантских и коммерсантских чиновников надо быть очень осмотрительным: если они воры и мошенники, государство много теряет»**. Прусские солдаты всегда носили в своих ранцах сухой паек из расчета на три дня, восьмидневный запас хлеба в полковых повозках. Месячный запас продовольствия находился в армейских обозах. Была создана эффективная транспортная система, которая позволяла прусской армии действовать быстро и ошеломляюще для противника.

Здесь следует отметить еще одно важное качество Фридриха II как полководца: король умел находить и возвышать талантливых офицеров. Причем таких, которые не просто бездумно выполняли все приказы, а умели, при необходимости, ему возражать и даже отказываться выполнять приказы, которые считали неразумными. Король однажды сделал выговор одному из своих офицеров: **„Ich habe Sie zum Stabsoffizier gemacht, damit Sie wissen, wann Sie nicht gehorchen sollen“** («Я сделал вас штабным офицером, чтобы вы знали, когда не должны повиноваться»). То есть, вопреки всем наветам на прусских офицеров, которые якобы были лишь слепыми исполнителями воли своего монарха, на самом деле они были инициативными, думающими и проявляющими доблесть самого наивысшего порядка. Приведу яркий пример. В битве под Цорндорфом во время Семилетней войны, авангард Фридриха должен был атаковать правое крыло русской армии. Когда его шестьдесят орудий открыли огонь и пехота пошла в атаку, русские заметили, что прусский строй распался. Пехота двинулась в атаку, за нею конница, и пятнадцать батальонов были смяты, взято двадцать шесть орудий. Зейдлиц со своей конницей стоял за оврагом, откуда зорко следил за ходом битвы. Фридрих послал ему приказание спешить; послал другой раз – Зейдлиц ни с места. Взбешенный король послал третьего ординарца, через которого велел передать, что генерал отвечает ему головой за неповиновение. «Доложите королю, – сказал Зейдлиц, – что после сражения моя голова принадлежит ему, а пока она радеет о его же пользе». Страшный бой закончился тем, что Зейдлиц вынудил русские войска спешно отступить и одержал убедительную победу. **«Вот еще победа, которую я вам обязан»**, – сказал король Зейдлицу. «Не мне, государь, а тем храбрецам, которыми я командую», – ответил скромно генерал⁷³. А командиром прусских гусар и впоследствии одним из ближайших сподвижников короля стал Ганс Иоахим фон Цитен (Hans Joachim von Zieten, 1699–1786).

⁷³ Абаза К. К. Героические рассказы. Народы Востока и Запада. С рисунками, картами планами. СПб., 1891.

Ганс Иоахим фон Цитен

Впервые его талант проявился в полной мере в сражении при Ротшлоссе, за блистательное участие в которой король произвел Цитена в полковники, а вскоре сделал шефом всех прусских гусар. Фридрих требовал: **«Каждый кавалерийский офицер обязан твердо зарубить себе в памяти, что для поражения неприятеля нужно только два дела: первое – атаковать его с наивысшей скоростью и силой, второе – охватить его фланги!»** Фон Цитен вполне соответствовал этим требованиям. Основное внимание в обучении кавалериста вместо стрельбы он стал уделять верховой езде и сабельным ударам с лошади. В непрерывных маневрах кавалеристов обучали стремительным атакам в сомкнутом строю, мгновенным перестроениям, всему тому, что обусловило полное превосходство прусской кавалерии на полях Семилетней войны, а сам Цитен получил прозвище Zieten-aus-dem-Busch (Цитен-из-кустов). Он однажды признался королю: «В ту минуту, когда я вижу противника, у меня уже готовы все распоряжения». Эпоха тяжелой кавалерии, которая топтала собственную пехоту на поле при Мольвице, навсегда ушла в прошлое.

3

В 1744 году Пруссия снова вступила в войну, которая получила название Второй Силезской. Но поначалу действия прусской армии были неудачны, поскольку австрийскими войсками командовал очень опытный генерал Траун. Он уклонялся от генерального сражения, зато умело маневрировал вокруг противника, отрезая его от союзников до тех пор, пока одним решительным ударом не отбросил за Эльбу. Вместо досады это вызвало восхищение у Фридриха II, умевшего высоко ценить талантливых людей. О фельдмаршале Трауне Фридрих говорил: **«Это был мой наставник: у него выучился я сознавать мои ошибки»**. Во второй части «Истории своего времени» он писал: **«Действия Трауна должны служить образцом для каждого полководца, который любит военное искусство. Хороший военачальник обязан подражать ему, если только имеет необходимые на то способности...»** Король перенял эту мудрую тактику сочетания малой войны с большой. Восхищение восхищением, а ситуация становилась все более тяжелой. 20 января 1745 года умер союзник Фридриха Карл Альбрехт, а затем и Франция отказалась от военных действий против Австрии. Перед победоносными австрийцами открылась радужная перспектива полного разгрома оставшихся в одиночестве пруссаков. Весной 1745 года Фридрих II писал Подевильсу: **«Если все мои средства окажутся неэффективными, а переговоры не принесут успеха, короче говоря, если обстоятельства обратятся против меня, тогда лучше погибнуть с честью, чем потерять всю оставшуюся жизнь и славу и уважение»**. Понимая, что на карту поставлено слишком многое, к продолжению войны Фридрих II подошел в высшей степени обстоятельно. «Из казначейства было вынута шесть миллионов талеров, со всего государства сделан поземельный побор в полтора миллиона. Вся серебряная утварь, украшавшая дворец: канделябры, столы, люстры, каминные... были обращены в деньги». Перед началом боевых действий Фридрих написал генерал-майору фон Готшарму: **«Сообщите всем вашим офицерам и унтер-офицерам, что тот, кто испытывает сомнения в успехе, не может служить в прусской армии»**.

Восстановленная и пополненная свежими силами армия, преобразованная прусская кавалерия в сочетании с личной храбростью короля определили исход битвы при Штригау, где 85 тысяч австрийцев и саксонцев под командованием герцога Карла Лотарингского противостояло 65 тысячам прусских солдат. Сначала король поутру атаковал и разгромил саксонцев, прежде чем австрийцы подоспели к ним на помощь. Затем Фридрих ударил по австрийцам и после ожесточенного боя разбил их армию. В этом сражении Фридрих II лично водил своих солдат в атаку и первым вскочил на защитный вал, воодушевляя солдат своим примером. Австрийцы позорно бежали, оставив на поле боя десятки знамен.

Несмотря на эту победу, война продолжалась, поскольку 13 сентября супруг Марии Терезии гроссгерцог Франц Лотарингский был провозглашен германским императором. Это послужило стимулом к продолжению боевых действий. Однако громкие титулы не помогают на войне, военное счастье вновь отвернулось от австрийцев: они потерпели поражение в битве при Гогенфридберге. Из письма короля Шарлю Этьену Жордану: **«Жордано от Фредерикуса салют! Так вот, твой друг уже дважды победитель на протяжении тринадцати месяцев. Кто бы пару лет назад поверил, что твой ученик в философии, ученик Цицерона в риторике и ученик Бейля в здравомыслии, будет играть мировую роль в войне? Кто бы поверил, что Провидение пошлет некоего поэта перетряхнуть всю Европу и начисто перевернуть политические расчеты ее королей и военачальников?»** К сожалению, это было одно из последних писем другу – Жордан вскоре умер после тяжелой болезни...

30 сентября 1745 года австрийская армия, почти вдвое превосходившая по своей численности прусскую, потерпела от нее еще более жестокое поражение в Сорской битве. Одержав победу, Фридрих II скромно сказал: **«Я заслуживал того, чтобы меня побили, и так бы оно и было, если бы не искусство моих генералов и мужество моих солдат»**. В битве под Кессельсдорфом пруссаками были разгромлены объединенные австро-саксонские войска. Эти блистательные победы Пруссии вынудили Австрию пойти на переговоры, закончившиеся заключением мира. Австрия вторично уступила Фридриху II Силезию в потомственное владение. До момента воцарения Фридриха II в Вене относились к прусским королям, как к вассалам, в табеле о рангах империи числящимися обер-камергерами Священной Римской империи, не более того. Теперь же, когда Австрия подписала тяжелый и унижительный для себя мир, все изменилось, на Фридриха в Европе стали смотреть с опаской и тяжелой ненавистью. Сам же Фридрих II довольно скромно оценивал итоги этой войны: **«Если оценивать вещи, исходя из их подлинной ценности, то надо признать, что война в некоторых отношениях была бесполезным кровопролитием и что Пруссия в результате серии побед не добилась ничего иного, чем утверждения во владении Силезией»**⁷⁴. Впрочем, Фридрих понял уже тогда, что, как он выражался, не стоит «дразнить кошек», в политике и в дипломатии нужно проявлять осторожность. А Пруссия ликовала, страна вступила в мирный период, продолжавшийся с 1745 по 1756 год. В 1744 году Пруссия расширилась еще больше в результате мирного присоединения к ней княжества Ост-Фрисландия, которое досталось Фридриху II по праву наследства. Пруссия, кроме приобретения новых территорий, получила также сознание независимости, которое десятилетиями старательно вытравливалось стараниями сопредельных государств. Характерно, что, победив в войне, король не забыл и о своих раненых солдатах: по его приказу в Берлине был сооружен Дом инвалидов. В нем за государственный счет доживали свой век ветераны прусской армии. На фронте дома красовалась надпись: „Laeso et invicto Militi” («Уязвленному, но не побежденному воину»). Ничего подобного в других странах в эту эпоху не наблюдалось.

⁷⁴ *Mittenzwei I. Friedrich II. von Preussen. S. 73.*

Глава V

Информация к размышлению

Шахматы воспитывают склонность к самостоятельному мышлению⁷⁵.

Фридрих Великий

1

Наступила полоса мира и процветания, ничто не предвещало новой войны. Но это было лишь затишье перед бурей, – уже через одиннадцать лет Европа погрузилась в пучину новой кровавой войны, которая получила название Семилетней. Основной причиной этой войны до сих пор называют воинственные устремления Пруссии, направленные на новые завоевания. Кроме того, многие указывают на то, что Фридрих II жестоко оскорбил своими эпиграммами австрийскую королеву Марию Терезию, российскую императрицу Елизавету Петровну и всесильную фаворитку французского короля Людовика XV маркизу де Помпадур, и якобы именно это сделало возможным союз Франции, Австрии и России против Пруссии. Но было ли так на самом деле?

Екатерина Великая, которую невозможно отнести к почитателям Фридриха, тем не менее писала: «Увы, следовало бы удивляться ему (то есть Фридриху Великому) и стараться подражать!»

Рудольф Аугстайн (Rudolf Augstein) в книге „Preußens Friedrich und die Deutschen” говорит прямо: „Friedrich war nicht das, wofür man ihn ausgibt” («Фридрих не был тем, за кого его выдают»).

Известно, что основателем социологии как самостоятельной и целостной науки об обществе стал великий французский ученый и философ-позитивист Огюст Конт (1798–1857). Он-то и ввел в оборот термин «социология», то есть учение об обществе, которое он также называл социальной философией. Он известен также и тем, что ненавидел дух милитаризма и агрессии. Одной из его идей в этой связи было убрать из памяти человечества имена всех завоевателей. Например, он предлагал дать другое название месяцу июлю, чтобы навсегда стереть из человеческой истории память о кровавом завоевателе Юлии Цезаре. Так вот, в список с именами великих ученых и тружеников, которые внесли неоценимый вклад в дело развития цивилизации и просвещения, он внес имя Фридриха Великого.

Как же совместить воедино утверждение о том, что Фридрих Великий был безжалостным завоевателем, но при этом серьезные ученые **не внесли** его в список агрессоров?

* * *

Врагов у Фридриха Великого было великое множество, даже после смерти его не забывали поливать грязью, приписывая разные преступления, которых на деле он никогда не совершал. Много о его жизни можно узнать из мемуаров Вольтера, но даже к этому яркому свидетельству следует относиться более чем скептически. Вспомним, ведь сначала это был Вольтер, прославленный автор «Эдипа», «Заиря», «Генриады», «Трактата о метафизике» и

⁷⁵ Как всегда с юмором он сделал приписку: «...а потому не следует их поощрять».

«Истории Карла XII», которым Фридрих искренне восхищался и которого пригласил к себе и назначил камергером прусского двора с огромным жалованьем.

Фридрих и Вольтер в Сан-Суси

Неудивительно, что идеи Вольтера вызвали восхищение у Фридриха. Приведу несколько примеров из творчества философа.

«Сто сражений не приносят ни малейшей пользы роду человеческому».

«Люди ошибаются; великие люди признаются в своих ошибках».

«Я подобен истинно набожным людям, которые любят религию, невзирая на злодеяния лицемеров».

«Проклятые пауки! Долго ли вам терзать друг друга, вместо того чтобы делать шелк?»

«Очень трудно угодить публике. Есть, однако же, секрет, как понравиться ей при жизни: для этого нужно лишь, чтобы человек был во всем совершенно несчастлив».

«Мы всегда говорим, видя чью-нибудь преждевременную смерть, что жизнь есть сон, что люди не что иное, как скоропреходящие тени, что нельзя ручаться ни за один миг. Это всё правда; но через минуту после этих рассуждений начинаем действовать и делать прожекты, словно бессмертные».

«Утверждаю, что женщины имеют более мужчин твердость духа».

«Болезнь доставляет нам большую выгоду: она избавляет нас от общества».

«Права людей превратились ныне в химеру, но право сильнейшего, по несчастью, не химера!»

«Нет ничего безрассуднее, чем желать ослепить умы, которые хотя однажды видели свет».

Вольтер

А потом это стал новый Вольтер – алчный стяжатель, который проявил себя как нечестный и неудачный спекулянт, порвавший с королем. А. С. Пушкин, великий русский поэт, так написал в статье «Вольтер»:

«Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью. Клевета, преследующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся перед лицом истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей. Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променивать свою независимость на своенравные милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?..

К чести Фридриха II скажем, что сам от себя король (здесь и далее в цитатах везде подчеркнуто мною. – М. Б.), вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление».

Что же имел в виду Александр Сергеевич? Это прекрасно объясняет российский историк и писатель Сергей Эдуардович Цветков: «В то время в Германии весьма прибыльным

делом считалась скупка и перепродажа саксонских податных свидетельств, с правом получения процентов с них в срок, указанный в документах. Однако Фридрих запретил пруссакам производить финансовые операции с саксонскими бумагами.

Вольтер был камергером прусского двора, но не прусским подданным. Соблазн наживы был слишком велик для него, между тем как ему более, чем кому-либо другому, следовало опасаться нарушить волю короля.

Он решил действовать через Авраама Гиршеля, берлинского негоцианта, у которого незадолго перед тем взял напрокат бриллианты для роли Цицерона в придворном спектакле. Теперь Вольтер поручил ему купить саксонские податные свидетельства за шестьдесят пять процентов их стоимости. Гиршель выехал в Дрезден и написал оттуда, что может приобрести бумаги только за семьдесят процентов. Вольтер дал свое согласие на сделку. Буквально на следующий день он получил от Гиршеля письмо, где тот говорил уже о семидесяти пяти процентах стоимости. Вольтер заподозрил, что его поверенный ведет нечистую игру, и опротестовал самый крупный из выданных ему векселей. Гиршель возвратился в Берлин, потребовав возмещения дорожных издержек. Вольтер вместо этого выразил желание приобрести находящиеся у него бриллианты. Покупка состоялась за тридцать тысяч талеров; прибыль от сделки должна была удовлетворить все претензии Гиршеля к Вольтеру.

Мотивы и детали дальнейшего поведения Вольтера неясны. Он почему-то стал требовать обратно деньги, утверждая, что оценка камней была завышена; Гиршель отказывался это сделать и в свою очередь обвинил Вольтера в том, что он пытался возратить ему поддельные драгоценности. Достоверно известно только то, что произошла бурная сцена, во время которой Вольтер схватил почтенного негоцианта за горло. Тот подал в суд. Начался скандальный процесс, закончившийся не в пользу поэта.

Фридрих получил отличный повод унизить Вольтера: королевский камергер нарушает королевский приказ да еще судится с евреем – куда уж дальше! (Впрочем, нелестный для Вольтера отзыв об этой истории дал и Лессинг, которому тогда было двадцать два года: его, голодного студента, Вольтер нанял для перевода на немецкий язык требуемых для суда бумаг.) Напрасно Вольтер пытался представить дело так, что будто бы лишь теперь узнал от берлинского бургомистра о запрете покупать саксонские податные документы, – король не дал провести себя.

Фридрих стал холоден и резок со своим камергером; после окончания рождественского карнавала он уехал в Потсдам, впервые не взяв с собой Вольтера, который заканчивал процесс. Рождество было для поэта необычайно грустным. «Я пишу тебе у печки, с тяжелой головой и больным сердцем, – делился он с госпожой Дени своими горестями. – Смотрю в окно на Шпрее, она впадает в Эльбу, а Эльба – в море. Море принимает и Сену, а наш дом в Париже близко от Сены. Я спрашиваю себя, почему я в этом замке, в этой комнате, а не у нашего камина?»

Через четыре дня в своем насквозь промерзшем жилище он получил письмо от Фридриха: **«Вы можете вернуться в Потсдам. Я рад, что это неприятное дело кончено, и надеюсь, что у Вас не будет больше неприятностей ни с Ветхим, ни с Новым Заветом. Дела такого рода обещечивают. Ни самыми выдающимися дарованиями, ни своим светлым умом Вы не сможете смыть пятна, которые угрожают навсегда запачкать Вашу репутацию».**

Побитого пса пускали в дом»⁷⁶.

Пушкин подвел итог: «Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалют благородные сердца, напоминая им о несовер-

⁷⁶ Цветков С. Э. Великое неизвестное. Magnum ignotum: Книги и судьбы. Забытые истории: Ист. миниатюры. М.: Центрполиграф, 2002. Книги Фридриха Великого. Биографический очерк. <http://www.truten.ru/books/pdf/5/3.pdf>

шенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет и что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

2

Фридрих II очень скоро осознал, что глубоко ошибся в том, кого раньше считал величайшим философом, и постепенно стал утрачивать к нему интерес как к личности. Ему только и оставалось, что сказать: **«Как жаль, что такая жалкая душонка досталась такому острому уму»**. Так что Вольтер после разрыва с Фридрихом II – это разочарованный человек, считающий себя обиженным и желающий отомстить своему обидчику. Возьмем, например, его ироническое отношение к стихам Фридриха. Чем являлись стихи для короля, можно понять из его письма к принцессе Амалии: **«Часто мне хотелось напиться, чтоб забыть свои горести, но я не способен пьянствовать, поэтому ничто так не успокаивает меня, как сочинение стихов. Пока я охвачен стихотворной горячкой, несчастья для меня не существуют»**.

Вот что сначала Вольтер писал о литературных произведениях короля: «Я работал каждый день два часа с Его Величеством, я исправлял все его работы... все поправки объяснял ему письменно, и эти письма составили ему руководство к риторике и поэтике для его личного употребления. Он воспользовался моими замечаниями, **но его гениальный ум помогал ему гораздо более, чем мои уроки**»⁷⁷. После размолвки он вдруг заявил, что всегда считал их однозначно второсортными. А вот великий русский поэт Гавриил Романович Державин (1743–1816), почитав экземпляр книги „Vermischte Gedichte, Berlin, 1760“, – перевода стихотворений короля, изданных им в том же году под заглавием: „Poésies diverses du philosophe de Sans-Souci“ (то есть «Беспечный философ из Сан-Суси»), впечатлился настолько, что создал на их основе свои знаменитые «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае», или «Читалагайские оды», причем первые четыре, в прозе, переведены из Фридриха II и лишь остальные – это оригинальные стихотворения. Напомню, что Державина считают предтечей великого Пушкина, человеком, который заметил и благословил молодого гения.

Рассказы Вольтера, конечно, несут в себе немало интересной исторической информации, но воспринимать ее следует, отдавая себе отчет в том, что в конечном счете его мемуары – это лишь вопль обиженного человека, который считал себя великим, а столкнувшись с индивидом, который превосходил его во многом, вместо признания этого факта занялся очернительством... Король во всех делах старался быть профессионалом самой высшей квалификации. Фридрих II ведь был не только философом, не только великим полководцем и военным теоретиком, не только политическим и государственным деятелем, не только поэтом и ценителем искусства, но и крупным композитором и музыкантом! Известно, что в 1755 году король инкогнито поехал в Голландию в сопровождении всего двух человек, чтобы не привлекать к себе внимания. Так как король не любил богатых одежд и одевался просто, хозяйка богатого трактира, в котором он сделал остановку, долго не соглашалась принять от Фридриха II заказ, поскольку запрошенное им блюдо было очень дорогим. Хозяйка откровенно засомневалась в платежеспособности этого простолюдина. Тогда сопровождающие короля уверили ее, что перед ней стоит известный музыкант. Хозяйка потребовала доказательств. Фридрих II достал свою флейту, сыграл, и через несколько минут требуемое блюдо было подано. Денег за угощение растроганная музыкой хозяйка со своих гостей не взяла.

⁷⁷ Книги Фридриха Великого. Биографический очерк. <http://www.truten.ru/books/pdf/5/3.pdf>.

Концерт Фридриха Великого в Сан-Суси. Художник А. Менцель

Фридрих II основал королевскую оперу в Берлине, был музыкальным корреспондентом самого Иоганна Себастьяна Баха (!), о котором известно, что 7 мая 1747 года он посетил Потсдам и был принят с большим почетом самим королем, продемонстрировал Баху свои клавишные инструменты и даже импровизировал ему на клавире (Clavier). Иоганн Николаус Форкель в книге «О жизни, искусстве и произведениях Иоганна Себастьяна Баха» пишет, что затем Баху была показана новинка, пиано форте Зильбермана (ранняя разновидность фортепиано).

Концертная комната в Сан-Суси

У короля имелось несколько экземпляров этого музыкального инструмента. Бах, переходя из комнаты в комнату, импровизировал на них, а затем, желая удивить короля, попросил дать ему тему, чтобы тут же сочинить на нее фугу. Фридрих дал ему следующую тему (впоследствии названную королевской, или *Thema Regium* (лат.)):

Получив тему, Бах незамедлительно сочинил на нее трехголосный ричеркар (то есть фугу). Пораженный король попросил без подготовки сыграть шестиголосный ричеркар, однако Бах отказался это сделать, объяснив, что не всякая тема пригодна для столь сложной обработки. Бах изъявил готовность симпровизировать такой ричеркар на собственную тему, что и сделал. Фридрих, который всегда высоко ценил талантливых людей, встал, обнял композитора и воскликнул: «**Вы – гений навеки**».

Бах исполняет свои произведения при дворе Фридриха.

Однако даже обласканный королем Бах, по-видимому, был раздосадован тем, что не смог удовлетворить желание Фридриха услышать шестиголосную импровизацию на его – королевскую тему и, вернувшись домой, в Лейпциг, засел за работу. Два месяца спустя Бах опубликовал цикл произведений на «Королевскую тему», который сейчас известен как «Музыкальное приношение». Бах озаглавил цикл так: «**Regis Iussu Cantio Et Reliqua Canonica Arte Resoluta**», то есть данная повелением короля тема и прочее, исполненное в каноническом роде, акростих, первые буквы которого образуют слово «ричеркар» (старинное название фуги). В окончательном виде «Музыкальное приношение» состоит из:

1. Двух ричеркаров, написанных на стольких нотоносцах, сколько в них голосов (шестиголосный ричеркар (фуга); трехголосный ричеркар (фуга)).
2. Девяти канонов.
3. Канонической фуги.

4. Четырехчастной трио-сонаты с участием флейты, на которой играл Фридрих.

В современном исполнении порядок следования пьес обычно таков: трехголосный ричеркар – 6 канонов – каноническая fuga – шестиголосный ричеркар – 2 канона – трио-соната – канон.

Не только Бах произвел впечатление на короля, но и наоборот. В оригинале некоторые каноны из «Музыкального приношения» представлены не более чем короткой одноголосной мелодией размером в несколько тактов, сопровождаемой более или менее загадочной фразой на латыни. Эти части произведения иногда называют загадочными канонами. Исполнитель должен разгадать загадку, правильно проинтерпретировав мелодию с надписью как многоголосное произведение. Один из этих загадочных канонов, „in augmentationem” (то есть с увеличением длительности нот), подписан „Notulis crescentibus crescat Fortuna Regis” («пусть удача короля увеличится, как эти ноты»). Модулирующий канон, заканчивающийся на тон выше, чем он начинался, надписан „Ascendenteque Modulatione ascendat Gloria Regis” («И пусть слава короля растет по мере того, как восходит модуляция»). То есть великий композитор не только посвятил свое произведение королю Фридриху, но и благословил его таким оригинальным способом.

При дворе Фридриха II жил и творил сын Баха Карл Филипп Иммануил. Сам король еще при жизни слыл виртуозным флейтистом и серьезным композитором! В детстве и юности он занимался игрой 4–5 раз ежедневно и 3–4 раза каждый день в последующие годы. Это малоизвестно, но Фридрих II являлся автором многих музыкальных произведений: четырех концертов для флейты, девяти арий, более 120 сонат для флейты. Достаточно послушать ту же flute sonata XI (D-minor), чтобы оценить его талант.

Иоганн Фридрих Райхардт⁷⁸ писал о музыкальном таланте короля: «Королевская виртуозность была наиболее впечатляющей в его игре адажио. Он создал собственный стиль на основе творчества величайших певцов и инструменталистов своего времени, особенно Бенды. Без сомнения, он сильно чувствует все, что играет. Его чувствительные нюансы – особенно его акценты и маленькие мелодические украшения – свидетельствуют о тонкой, чувствительной музыкальной натуре. Его адажио было плавно текущей, полной, приглушенной, часто взволнованной песней, очевидно, что его прекрасная игра родилась из его души. Он играл адажио с таким внутренним чувством, с таким благородством, взволнованной простотой и искренностью, что публика редко слушала его без слез».

Изготовителем флейт для короля был Иоганн Иоахим Кванц (Johann Joachim Quantz), которого Фридриху удалось уговорить перейти к себе на службу. Кроме годового содержания в 2000 талеров, он получал не только отдельное вознаграждение за каждую сочиненную для короля композицию, но и по 100 дукатов за каждую сделанную флейту. Король привозил Кванцу различные породы дерева, чтобы он пробовал использовать их для флейт. Один раз он привез эбеновое дерево, и Кванц сделал из него свою лучшую флейту. Считается, что именно эта флейта была любимой флейтой короля.

⁷⁸ Johann Friedrich Reichardt (1752–1814) – немецкий композитор и писатель о музыке, придворный капельмейстер в Берлине. Издавал журнал „Musicalisches Wochenblatt” (позже „Musikalische Monatschrift”), перепечатанный под заглавием „Studien für Tonkünstler und Musikfreunde”.

Иоганн Иоахим Кванц

К сожалению, лишь спустя 50 лет после его кончины Фридрих Вильгельм IV предпринял во дворцах и вокруг Потсдама поиск рукописей Фридриха Великого, до этого творчеством короля никто не интересовался. Так что до наших дней дошли лишь жалкие крохи его произведений, поскольку он не предполагал публиковать свои музыкальные сочинения.

3

Современный немецкий историк Йоханнес Куниш пишет: „Biograf Johannes Kunisch: „Unter den Herrschern seiner Zeit und unter den Preußenkönigen hat es keinen gegeben, der mit einer solchen Fülle außerordentlicher Talente begabt war“.

(«Среди властителей его времени и среди прусских королей не имелось никого, кто был бы столь же одаренным и с таким же изобилием чрезвычайных талантов».)

С дошедшими до нас литературными произведениями короля положение намного лучше, по сравнению с музыкальными, ведь они сразу же становились бестселлерами и их печатали во всей Европе. До наших дней благополучно дошли философские и политические сочинения, исторические книги и на военную тематику: „Considération sur l'état présent du corps politique de l'Europe“, „Mémoires pour servir à l'histoire de la maison de Brandenburg“, „Histoire de mon temps“, „Histoire de la guerre de sept ans“, „Mém. depuis la paix de Hubertsbourg jusqu'à la fin du partage de la Pologne“, „Mém. de la guerre de 1778“ и т. д.

Искрометный юмор и ирония Фридриха также пережили его! Появился целый пласт исторических анекдотов, в которых прославляется не только ум короля, но и его чувство юмора. Вот лишь один пример.

Король посетил тюрьму города Берлина.

Все заключенные, один за другим, падали в ноги королю и клялись в своей невинности. Лишь один человек тихо стоял в стороне. Он не кричал, что его оклеветали, несправедливо осудили, он не просил Фридриха о помиловании.

– Ну а ты? – обратился к нему король. – Ты тоже попал сюда по ошибке?

– Нет, ваше величество! Я жду казни за три вооруженных грабежа.

– Ну-ка немедленно выпустите этого заключенного! – закричал король. – Выгоните этого бандита, чтобы он не смущал своим присутствием общество честных людей!

* * *

Политикам Франции, России, Швеции и Австрии требовалось оправдать себя в глазах потомков и объяснить причины, приведшие к их поражению в Семилетней войне. Тем более что победителем оказался король страны с населением и ресурсами неизмеримо меньшими, чем их собственные. Эта война возникла не из-за территориальных или религиозных разногласий, а главным образом из-за торгового противостояния между Англией и Францией, но признавать этого никто не желал. Так и сформировался злобный образ Фридриха – злодея, агрессора и захватчика, не имеющий с настоящим Фридрихом II, рыцарем и философом, ничего общего. Но оболгали не только Фридриха II, облили грязью всю страну: Афины на Шпрее объявили мрачной казармой и рассадником безжалостного милитаризма. В своей книге «Очерки по истории Пруссии» французский историк Э. Лависс создал целую теорию о том, что именно Фридрих придал Пруссии импульс ее будущей беспринципной политики, агрессивности и желанием поработить соседей своим «...вооруженным вмешательством, сильно смахивавшим на разбой»⁷⁹. В своем труде «Эволюция военного искусства» военный теоретик, публицист, автор классического труда «Стратегия» Александр Свечин пишет: «На этой изуродованной французской политикой площади центральной Европы стало складываться и расти государство разбойничьего типа – Пруссия»⁸⁰. И продолжает: **«Разбойничье государство** зорко следило за недоразумениями между соседями, вмешивалось в чужие дела при каждом удобном случае и постепенно округляло свои пределы. Прусские города представляли на-половину военные поселения, так как если численность гарнизона достигала в них четверти населения, то другую четверть образовывали или семьи офицеров или же она находила себе средства существования обслуживанием войсковых потребностей»⁸¹. **Словом, самым ласковым определением для королевства Пруссии у историков было следующее: военно-полицейское государство казарменного типа. Или – Фридрих II был замечательный человек, но именно он принес Европе горе, слезы и кровь. Как эти наветы соотносятся с историческими фактами, свидетельствующими о совершенно обратном – одному Богу известно.**

⁷⁹ Лависс Э. Очерки по истории Пруссии, 2003. С. 254.

⁸⁰ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Т. 1. С. 243.

⁸¹ Там же. С. 245–246.

Глава VI

Франция, Россия, Австрия и Пруссия перед Семилетней войной

Титулы – украшение глупцов; великим людям достаточно своего имени.

Фридрих Великий

1

Попробуем рассмотреть ситуацию более детально, сравним положение в Пруссии и в странах враждебной Фридриху II коалиции. Начнем с Франции, в которой в это время царствовал Людовик XV, официальное прозвище которого было Возлюбленный. Время его царствования знаменует кризис французского абсолютизма. Король был страстным охотником, любил раболепие придворных, игру в карты, был не дурак хорошо выпить и закусить. В 1725 году он женился на польской принцессе Марии, которая с 1727 по 1737 год родила десять детей! После чего их семейной жизни пришел конец: королева сделалась холодна и очень набожна, а Людовик с тех пор стал заводить себе любовниц и фавориток. Это длинный список – графиня де Мальи, герцогиня де Вантимиль, маркиза де Латурнель... Людовик был законченный эгоист, который не любил никого, кроме самого себя. Его правление проходило под девизом: «После нас хоть потоп». Сравним с Фридрихом: **«Интересы моей страны – мои собственные интересы»**, – сказал он через несколько дней после коронации.

Поначалу в царствование Людовика XV политическими делами королевства управлял старый кардинал де Флери, детский наставник короля. Его деятельность продолжалась с 1726 по 1743 год и была успешной, поскольку он был опытным политиком, при нем развивалась промышленность, да и финансовое положение было относительно неплохим. Современник Крой так оценивал эпоху Флери: «Он всегда правил с большой добротой, и никогда Франция не была такой мирной, как при нем». Но он умер, а вскоре, в 1745 году у Людовика XV появилась любовница – маркиза де Помпадур, чье влияние на государственные дела стало решающим, и все изменилось к худшему.

Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де Помпадур

Маркиза находилась у власти во Франции на протяжении двадцати с лишним лет! «Если бы она не вошла тогда в жизнь Людовика XV, – убежден историк Пьер де Нольха, – события развивались бы совсем в другом направлении: другая политика в вопросах финансовых, религиозных, а быть может, и в дипломатических отношениях. С этого времени женщина – умная и к тому же умеющая пользоваться своим умом – подчинила себе монарха, властителя королевства, относившегося к власти ревностнее, чем сам Людовик XIV».

Это был пик так называемого *Fêtes galantes*, Галантного века⁸² во Франции. Главным занятием для короля и его двора стала борьба со скукой. Этот век символизировал вырождение королевской власти во Франции, когда на свои удовольствия король и его фавориты стали тратить денег больше, чем на содержание армии и флота. Версаль стал местом полного отсутствия продуктивной деятельности и дурным примером жизни за счет других. Плачевное состояние экономики страны было закономерным: фаворитки при полном попустительстве короля обворовали всю страну, приближая и делая неизбежной революцию.

Настоящее имя мадам Помпадур – Жанна Антуанетта Пуассон, она была **очень** незнатного происхождения: происходила не из дворян, а из **мелких** буржуа (её отец одно время был лакеем, а затем поставщиком провианта, причем неумелым и бесчестным, поскольку все его преступления не оставались ни для кого тайной). Вознесенная на политический Олимп, без всякого преувеличения попав, что называется, из грязи в князи, она принялась беззастен-

⁸² Условное обозначение эпохи, охватывающей временной отрезок 1661–1789 годов, то есть от начала самостоятельного правления Людовика XIV до Французской революции.

чиво тратить государственные средства на свои личные нужды. Несмотря на впечатляющие успехи французской промышленности тех лет, огромные траты любовницы короля вызвали серьезное недовольство в народе, поскольку состояние финансов страны все время только ухудшалось. Вскоре она стала владеть таким огромным недвижимым имуществом, которым ни до нее, ни после нее во Франции не владела ни одна фаворитка. Так, она купила поместье Кресси в Дре за 650 тысяч ливров, выстроила здесь роскошный замок, обустроила заново огромный парк. Она купила Монретон, однако тотчас выгодно перепродала его и купила Сель в миле от Версаля. Недалеко от небольшого Версальского парка она построила уединенный домик с персидскими занавесями, расписными панелями, большим садом с кустами роз, в центре которого возвышался храм со статуей Адониса из белого мрамора. Такой же домик она построила в Фонтенбло и в Компьене, а в Версале возвела отель, по специальному коридору из него можно было пройти прямо в замок. В Париже, в отеле Понштрэн, где обычно останавливались послы иностранных держав высшего ранга, ей принадлежали роскошные апартаменты. Штат ее дома состоял из шестидесяти человек! За 700 тысяч ливров она купила находившийся в квартале Сен-Оноре отель графа д'Эвре, где полностью перестроила первый этаж. Этот список кажется бесконечным: замок Бельвю, дом в Шам, поместье в Сент-Уэне, Менар, Бабиоль, владение Севр и земля в Лимузене... Даже выездной лакей фаворитки был из старинного дворянского рода, вероятно таким оригинальным способом компенсируя свое низкое происхождение. Впрочем, как только это стало возможным, маркиза добилась назначения своего отца в пэра Франции! А своего брата она превратила в маркиза де Ведриер, впоследствии маркиза де Мареньи.

Время господства маркизы де Помпадур привело к упадку всей финансовой системы Франции! Но горе было тем, кто пытался протестовать или критиковать фаворитку, поскольку она была мстительна, злопамятна и никогда ничего никому не прощала. Так, она добилась от короля отставки министра финансов Орри, изгнания из столицы за насмешливые куплеты о ней бывшего любимца короля Морепа. После этого все закрыли рты и молчали даже тогда, когда фаворитка стала вместо короля принимать послов иностранных государств в парадном зале Версаля, сидя в роскошном кресле, а всем остальным (включая и самих послов) полагалось стоять. При этом ей все время мерещились заговоры против нее, страх перед ядом, которым враги ее хотят отравить, перерос в паранойю – она никогда ничего не ела и не пила без того, чтобы сначала это не продегустировал слуга.

Когда де Помпадур почувствовала, что король начинает к ней охладевать, маркиза быстро нашла выход из создавшегося положения: построила дом, получивший название «Олений парк», который стал местом свидания короля с дамами, приглашенными... маркизой. Таким образом, она сохранила влияние на короля уже не как любовница, а как сводница! Удивляет лишь одно: как при таком положении вещей французская монархия сумела устоять вплоть до 1789 года?

Её ничем не объяснимая ненависть к Пруссии и Фридриху дорого ей стоили: 15 апреля 1764 года, спустя год после окончания Семилетней войны, де Помпадур скончалась от туберкулёза. Во Франции справедливо считали, что именно она явилась главной причиной упадка и невиданного ослабления Франции.

Желая прослыть покровительницей наук, она осыпала милостями Вольтера, сделала его академиком, главным историком Франции, главным камергером. А он не имел ничего против этого, напротив, прославил её в стихах и прозе: «Помпадур, вы украшаете своей особой двор, Парнас и остров Гетер!» Что, впрочем, наилучшим образом характеризует его, при всем таланте, как человека беспринципного и с головой выдает лизоблюда, корчащего из себя бунтаря.

А вот Фридрих II маркизу Помпадур действительно не жаловал, справедливо считая необразованной выскочкой и «султаншей», как её презрительно окрестили французы. Без-

рассудное разворовывание денег у народа вряд ли могло найти отклик у просвещенного короля, который считал себя первым гражданином и слугой народа. Когда Вольтер привез королю от неё поклон, тот холодно ответил: **«Я её не знаю»**. Злые языки даже говорили, что он назвал именем маркизы свою собаку, что, впрочем, маловероятно, поскольку своих собак он любил.

„Hunde haben alle guten Eigenschaften des Menschen, ohne gleichzeitig ihre Fehler zu besitzen“ («Собаки имеют все хорошие качества людей, одновременно не обладая их безумием»).

2

При российском дворе дела обстояли еще хуже. Петр I сам пришел к власти путем дворцового переворота, устранив свою сестру Софью, которую он повелел постричь в монахини под именем Сусанны. Попытка стрельцов свергнуть Петра была жестоко подавлена, тысячи мятежников были казнены после зверских пыток, а Софья так и провела остаток жизни в келье Новодевичьего монастыря. И это еще был счастливый исход: своего сына Алексея Петр зверски убил, запытав до смерти (из книг Петропавловской крепости видно, что в день смерти царевича, в 8 часов утра, Петр с девятью сановниками ездил в крепость, и там, в Трубецком раскате, «учинен был застенок», то есть производилась пытка). Таким образом, с 1689 года и до убийства российского императора Павла I в 1801 году Россия находилась в нестабильном состоянии, в эпохе бесконечных дворцовых переворотов (если не принимать в расчет восстание декабристов на Сенатской площади). Императрица Елизавета Петровна, дочь Петра I, не была исключением из правил.

Императрица Елизавета Петровна

Ее мать, Екатерина I – безродная и неграмотная дочь крестьянина Самуила Скавронского. Крестьянка Екатерина была служанкой при детях некоего пастора Глюка в Мариенбурге, затем стала любовницей фельдмаршала графа Б. П. Шереметьева, после чего ею овладел фаворит Петра I А. Меншиков, вынужденный вскоре уступить ее самому императору, который женился на ней. После смерти Петра I благодаря поддержке гвардейских полков ей удалось убедить всех своих противников объявить себя новой императрицей. Сенат «единодушно» возвел её на престол, назвав «всепресветлейшей, державнейшей великой государыней императрицей Екатериной Алексеевной, самодержицей всероссийской».

Её дочь также возвели на трон гвардейские штыки. Елизавету Петровну отличали капризность, мстительность, мелочность, лень и невысокая культура. А также религиозная нетерпимость: её ненависть к раскольникам была столь глубока, что никогда больше в российской истории не было гонений более страшных, чем при ней. И глубочайший невроз, сформированный страхом за своё незаконное воцарение и нестабильностью при российском дворе, который сотрясали дворцовые перевороты и заговоры на протяжении всего XVIII века. Елизавета Петровна никогда не спала по ночам в одном и том же месте, зачастую она инкогнито покидала дворец на ночь, и, где именно пряталась, никто не знал. Секретарь французского посольства Рюльер Клод де Карломан докладывал из Петербурга: «Зная, как

легко производится революция в России, она никогда не полагалась на безопасность носимой ей короны. Она не смела ложиться до рассвета, ибо заговор возвел её самою на престол во время ночи. Она так боялась ночного нападения, что тщательно приказала отыскать во всем государстве человека, который бы имел тончайший сон, и этот человек... проводил в комнате императрицы все время, которое она спала»⁸³. **Вероятно, именно страх за свою незаконную власть и явился основной причиной ненависти Елизаветы к Фридриху.** Она боялась, что при поддержке иностранных королей её собственные подданные поднимут против неё знамя с именем императора Ивана, с тем чтобы свергнуть с престола. Главную угрозу она ощущала не со стороны Франции, которая постоянно строила козни против России, а именно со стороны Фридриха. Дело в том, что Фридрих за несколько лет до начала Семилетней войны в своих письмах Елизавете из самых лучших побуждений давал настоятельные советы надежнее припрятать свергнутую брауншвейгскую фамилию. Это, совершенно неожиданным образом, встревожило Елизавету, поскольку прусский король, образно говоря, наступил ей на больную мозоль. Очевидно, она увидела в письме Фридриха скрытую угрозу для себя. Вместо доверительных отношений письмо привело к недоверию, а затем и глубокой ненависти.

⁸³ Рюльер К. де. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 52.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.